

ОДИН НА ОДИН С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УБИЙЦЕЙ

Спаситель Ю НЕСБЁ

КНИГИ
Ю НЕСБЁ
ПЕРЕВЕДЕНЫ
НА 50
ЯЗЫКОВ

Annotation

Пытаясь заглушить тоску по Ракели, Харри Холе с головой погружается в работу. Теперь он совсем один – коллеги его не любят, старый начальник ушел, а новый выше всего ставит дисциплину. В этом Харри не силен, зато он здорово расследует убийства. В Осло появился международный киллер, на благотворительном концерте застрелен солдат Армии спасения... Чтобы разобраться в невероятно запутанном преступлении и по-своему восстановить справедливость, Харри предстоит раскрыть немало зловещих тайн.

Ю Несбё

Спаситель

Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столько величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасти».

Исаия, 63: 1

Часть первая
АДВЕНТ

Ей было четырнадцать, и она твердо верила, что если зажмурить глаза и сосредоточиться, то прямо сквозь потолок увидишь звезды.

Вокруг дышали женщины. Ровное, глубокое, сонное дыхание. Только одна храпела – тетя Сара, которой отвели место на матрасе под открытым окном.

Она закрыла глаза, попробовала дышать как другие. Не спится, особенно потому, что все вокруг внезапно стало новым и совершенно иным. Звуки ночи и леса за окном здесь, в Эстгоре, совсем другие. И люди, хорошо знакомые по собраниям в Храме и по летним лагерям, словно бы изменились. Как и она сама. Нынешним летом лицо и тело в зеркале над умывальником были новые. А ощущения, эти волны жара и холода, что пронизывали ее, когда кто-нибудь из мальчиков на нее смотрел. В особенности один из них. Роберт. Он тоже стал другим в этом году.

Она опять открыла глаза, уставилась в пространство. Бог властен вершить дивные дела, в том числе и позволить ей увидеть звезды сквозь потолок. Если только пожелает.

День выдался долгий, суматошный. Сухой летний ветер шумел в луговых травах, листья деревьев плясали как в лихорадке, и свет дождем сеялся на дачников во дворе. Они слушали курсанта Офицерского училища Армии спасения, который рассказывал, как работал проповедником на Фарерах. Славный парень, и говорил он с большим чувством и увлеченностью. Но ее больше занимало другое: она отгоняла жужжащего над головой шмеля, а когда он вдруг улетел, ее разморило от жары, и она задремала. Курсант закончил, все взгляды устремились на командира, Давида Экхоффа, а он смотрел на них улыбочивыми молодыми глазами, хотя было ему за шестьдесят. Приветственным жестом Армии спасения командир поднял правую руку над плечом, направив указательный палец в небеса, и звучно произнес «аллилуйя!». Затем предложил благословить работу курсанта среди бедных и отверженных и напомнил всем Евангелие от Матфея, где сказано, что Иисус Спаситель может незнакомцем бродить по улицам, может быть узником в тюрьме, голодным и нагим. И что в судный день праведники, помогавшие малым сим, пойдут в жизнь вечную. Похоже, намечалась продолжительная речь, но тут ему что-то шепнули, он рассмеялся и сказал, что в программе конечно же стоит Молодежная смена и что сегодня черед Рикарда Нильсена.

Она слышала, как Рикард заговорил, взрослым голосом, не таким, каким благодарил командира. По обыкновению, Рикард все заранее записал и выучил наизусть. И теперь без запинки рассуждал о борьбе, которой решил посвятить свою жизнь, об Иисусовой борьбе за Царство Божие на земле. Говорил взволнованно и все же монотонно, усыпляюще. Исподлобья устремив на нее задумчивый взгляд. Она поморгала глазами, наблюдая, как его потная верхняя губа шевелится, формирует знакомые, солидные, скучные фразы. И поэтому не сразу сообразила, что чья-то рука тронула ее спину. Только когда кончики пальцев пробежались по позвоночнику до поясницы и ниже, она оцепенела под тонким летним платьем.

Обернувшись, она увидела перед собой смеющиеся карие глаза Роберта. И пожалела, что не такая смуглая, как он, ведь лучше бы ему не видеть, что она залилась румянцем.

«Тсс!» – прошептал Юн.

Роберт и Юн – братья. Хотя Юн на год старше, многие, бывало, принимали их за близнецов. Но теперь Роберту уже семнадцать, братское сходство по-прежнему заметно, однако и различия проступили ярче. Роберт – веселый, беззаботный, любит позубоскалить и хорошо играет на гитаре, а вот на богослужениях в Храме не очень-то сосредоточен, да и в зубоскальстве иной раз заходит далеко, особенно если замечает, что рассмешил окружающих. В таких случаях Юн нередко одергивает брата. Юн – парень порядочный, исполнительный, большинство рассчитывало, что он пойдет в Офицерское училище и – вслух об этом не говорили – найдет себе девушку в Армии спасения. Что до Роберта, то насчет последнего пункта многие питали сомнения. Ростом Юн был на два сантиметра выше Роберта, но, как ни странно, именно Роберт казался выше. Дело в том, что Юн лет с двенадцати начал сутулиться, будто все тяготы мира легли на его плечи. Оба смуглые, с красивыми правильными чертами лица, только выражение глаз совершенно разное. В глазах Роберта сквозило что-то мрачное, загадочное. Ей и хотелось, и не хотелось выяснить, что это такое.

Рикард все говорил, а она скользила взглядом по знакомым лицам собравшихся. Однажды она выйдет замуж за какого-нибудь парня из Армии спасения, возможно, их пошлют тогда в другой город, в другую часть страны. Но они всегда будут возвращаться сюда, в Эстгор, ведь Армия недавно купила это имение именно затем, чтобы оно стало для всех местом летнего отдыха.

Чуть поодаль, на крыльце дома, сидел светловолосый парнишка, гладил кошку, устроившуюся у него на коленях. Она заметила, что он только что смотрел на нее, но успел отвести глаза, прежде чем она перехватила его взгляд. С ним она не была знакома, хотя знала, что это Мадс Гильstrup, внук бывших хозяев Эстгора, что он на несколько лет старше ее и что Гильstrup – семейство богатое. Вообще-то он симпатичный, только одинокий какой-то. Кстати, что он тут делает? Приехал накануне вечером, ходил вокруг с хмурой складкой на лбу, ни с кем не разговаривал. Но несколько раз она чувствовала на себе его взгляд. Все в этом году смотрели на нее. Это тоже было непривычно.

Она резко вышла из задумчивости, когда Роберт схватил ее за руку, сунул что-то в ладонь и сказал: «Приходи в сенной сарай, когда генеральский отпрыск закруглится. Хочу кое-что тебе показать».

Он встал и ушел, а она глянула на свою ладонь и чуть не вскрикнула. Прижав другую руку к губам, бросила в траву – шмеля. Он еще шевелился, но и ножки, и крылья были оторваны.

Рикард наконец закруглился, а она все сидела, глядя, как ее родители вместе с родителями Юна и Роберта прошли к столам с кофе. Те и другие считались в своих ословских приходах «крепкими семьями», как принято говорить в Армии, и она знала, что за ней присматривают.

Она пошла в сторону уборной. А за углом, когда никто уже не мог ее видеть, быстро метнулась в сенной сарай.

«Знаешь, что это за штука?» – спросил Роберт, глаза у него смеялись, а голос звучал басовито, не так, как прошлым летом.

Лежа на сене, он обстругивал корешок складным ножом, который всегда носил с собой. Сейчас он поднял корешок вверх, и она разглядела, что это. Видела уже, на картинках. Вся надежда, что в сарае темно и он не заметит, как она покраснела.

«Нет», – соврала она и села рядом на сено.

Роберт смотрел на нее насмешливым взглядом, будто знал про нее что-то такое, чего она и сама не знала. Она тоже смотрела на него, откинувшись назад, опершись на локти.

«Его место вот тут». Рука Роберта неожиданно оказалась у нее под платьем. Она почувствовала деревяшку на внутренней стороне бедра, и, прежде чем успела сдвинуть ноги, та ткнулась в трусы. Роберт горячо дышал ей в шею «Нет, Роберт», – прошептала она.

«Я вырезал это специально для тебя», – шепнул он в ответ.

«Перестань, я не хочу».

«Ты говоришь нет? Мне?»

У нее дух перехватило, она не могла ни ответить, ни закричать, но тут от двери послышался голос Юна: «Роберт! Прекрати!»

Она почувствовала, как он расслабился, отпустил ее, убрал руку, а деревяшка так и осталась зажата у нее между бедер.

«Поди сюда!» – скомандовал Юн, словно подзывая непослушную собаку.

Роберт встал с коротким смешком, подмигнул ей и вышел к брату, на солнце.

Она села и принялась отряхивать с себя травинки, чувствуя одновременно и облегчение, и стыд. Облегчение оттого, что Юн прекратил эту дикую игру. А стыд оттого, что он, кажется, решил, будто здесь больше чем игра.

Позднее, во время молитвы перед ужином, она подняла голову и тотчас встретила взглядом с Робертом, он шевелил губами, произнося какое-то слово, она не поняла какое, но хихикнула. Вот сумасшедший! А она... да, а она? Тоже сумасшедшая. Но совсем не так, как в двенадцать лет или в тринадцать. Сейчас ей четырнадцать, и это куда серьезнее. Важнее. И интереснее.

Она чувствовала, как внутри закипает смех, но по-прежнему лежала, буравя взглядом потолок.

Тетя Сара под окном хрюкнула и перестала храпеть. На улице послышалось уханье. Филин, что ли?

Надо в уборную, по-маленькому.

Не хочется вставать, но надо. Придется идти по мокрой от росы траве мимо сеного сарая, темного и совсем чужого посреди ночи. Она закрыла глаза – нет, без толку. Вылезла из спального мешка, сунула ноги в сандалии и на цыпочках пробралась к двери.

На небе кое-где виднелись звезды, но они скоро исчезнут, ведь уже через час начнет рассветать. Прохладный воздух обвевал кожу, пока она спешила по тропинке, слушая непонятные ночные звуки. Какие-то насекомые, которых днем не видно и не слышно. Звери на охоте. Рикард говорил, что видел в роще лисиц. А может, звери и насекомые те же, что и днем, просто звуки ночью другие. Меняются. Преображаются.

Уборная одиноко стояла на пригорке за санным сараем. И по мере приближения как бы вырастала. Чудной, кособокий домишко, сколоченный из некрашенных досок, кривых, растрескавшихся, серых от непогоды. Без окон, только в двери прорезь сердечком. А хуже всего, что никогда не знаешь, есть там кто или нет.

Почему-то ей казалось, что там определенно кто-то сидит.

Она покашляла – если в кабинке кто-то есть, он может подать знак.

Сорока взлетела с ветки на опушке. И всё, тишина.

Она шагнула на каменную ступеньку. Взялась за чурочку, которая служила дверной ручкой. Потянула на себя. Внутри было темно и пусто.

Она перевела дух. Возле сиденья стоял карманный фонарик, но включать его незачем. Она подняла крышку сиденья, закрыла дверь и накинула крючок. Подобрала ночную рубашку, сняла трусы, села. В наступившей тишине словно бы слышались какие-то звуки. Явно не зверек, не сорока, не насекомое. Что-то быстро двигалось в высокой траве за уборной. Потом все заглушило журчание. Но сердце у нее уже стучало как молот.

Ну вот, она быстро натянула трусы и замерла в темноте, напрягая слух. Но услышала только легкий шорох листьев да гулкие удары собственного сердца. Подождала, чтобы сердцебиение унялось, подняла крючок, открыла дверь. Темная фигура заслоняла почти весь проем. Должно быть, он тихонько караулил на ступеньках. Секунду спустя она лежала на сиденье, а он, стоя над ней, закрыл дверь.

– Ты? – вырвалось у нее.

– Я, – отозвался он чужим, дрожащим, сиплым голосом.

Он навалился на нее. Глаза поблескивали в темноте, когда он до крови прокусил ей губу и одной рукой сорвал с нее трусы. А она лежала как агнец под ножом, который жег ей шею, меж тем как он судорожно расстегивал брюки и прижимался к ней, словно течная собака.

– Только пикни – на куски изрежу! – прошипел он.

И она не пикнула. Ведь ей было всего четырнадцать, и она твердо верила, что если сосредоточиться и зажмурить глаза, то сквозь крышу увидишь звезды. Бог властен совершать такие вещи. Если пожелает.

Он присматривался к своему отражению в вагонном окне. Пытался понять, в чем секрет. Но не видел в лице над красной шейной косынкой ничего особенного – обыкновенное, невыразительное лицо, глаза, волосы, на фоне стен туннеля между станциями «Курсель» и «Терн» такие же темные, как вечная ночь метро. На коленях у него лежала «Монд», обещала снег, но парижские улицы там, наверху, под сплошными низкими тучами по-прежнему холодны и голы. Ноздри его расширились, втянули слабый, но вполне отчетливый запах сырого цемента, человеческого пота, жженого металла, одеколона, табака, влажной шерсти и желчной кислоты – совершенно неистребимый запах вагонов метро.

Под напором воздуха от встречного поезда стекло завибрировало, в темноте за окном промелькнули тусклые прямоугольники света. Он сдвинул рукав пальто, взглянул на часы «Сейко SQ50», полученные от одного из клиентов, в счет оплаты. На стекле уже появились царапины, так что, может, они вовсе и не настоящие, а подделка. Четверть восьмого. Воскресный вечер, вагон заполнен лишь наполовину. Он огляделся. Люди в метро спали, всегда. Особенно по будням. Отключались, закрывали глаза, превращая каждодневную поездку в лишенный сновидений пустой промежуток, а красный или синий отрезок на схеме метро – в этакий темный прочерк меж работой и свободой. Он читал про человека, который вот так, с закрытыми глазами, просидел в метро целый день, ездил туда и обратно, и, только когда ночью перед отправлением в парк осматривали вагоны, обнаружилось, что он мертв. Может статься, он и спустился в здешние катакомбы нарочно, чтобы в этом светло-желтом гробу без помех соединить синим прочерком жизнь и потусторонность.

Сам он держал путь в другую сторону. К жизни. Ему оставалось сегодня вечером выполнить работу здесь, а потом еще одну, в Осло. Последнюю. И он покинет катакомбы навсегда.

Резкий звонок – станция «Терн», двери захлопнулись. Поезд снова пришел в движение.

Он закрыл глаза, попробовал представить себе другой запах. Запах шариков дезодоранта и свежей теплой мочи. Запах свободы. Но, наверно, его мать, учительница, говорила правду: человеческий мозг способен до мельчайших деталей воспроизвести увиденное или услышанное, только не запах, даже самый обычный и сильный.

Запах. Перед внутренним взором замелькали картины. Ему пятнадцать, он сидит в коридоре вуковарской больницы, слушает, как мать тихонько молится апостолу Фоме, святому покровителю строительных рабочих, просит заступиться перед Господом за мужа. От реки доносится грохот сербской артиллерии, а из детской палаты – крики тех, кого там оперируют, ведь младенцев в детской палате больше нет, женщины перестали рожать, с тех пор как началась осада. Он работал в больнице посыльным и привык отключаться от звуков – и от криков, и от канонады. Но не от запахов. Особенно от одного. При ампутации хирурги сперва резали мышцы до самой кости и, чтобы пациент не истек кровью, чем-то вроде паяльника прижигали сосуды, тем самым останавливая кровотечение. А запах горелой плоти и крови ни с чем не спутаешь.

Врач вышел в коридор, жестом предложил им с матерью зайти в палату. Когда они

подошли к койке, он не рискнул посмотреть на отца, уперся взглядом в его большой загорелый кулак, стиснувший матрас словно в попытке порвать его. Вообще-то отец вполне мог это сделать, ведь руки у него самые сильные во всем городе. Отец работал арматурщиком; когда стены были возведены, наставлял его черед: он брался руками за торчащие из бетона прутья и быстрым сноровистым движением крепко скручивал их концы. Он видел отца за работой – казалось, тот скручивал тряпку. Никто пока не придумал машину, которая бы лучше справлялась с этой задачей.

Он опять зажмурился, услышав отцовский крик, полный боли и отчаяния:

«Пусть мальчик уйдет!»

«Он сам попросил...»

«Пусть уйдет!»

Голос врача: «Кровотечение остановлено, сейчас начнем!»

Кто-то подхватил его под мышки, поднял. Он упирался, но был такой маленький, такой легкий. Вот тогда-то он и почувствовал этот запах. Запах горелой плоти и крови.

Последнее, что он услышал, был голос врача:

«Пилу!»

Дверь за ним захлопнулась, он рухнул на колени и продолжил материну молитву с того места, где она остановилась. Спаси его. Пусть он останется калекой, только спаси. Бог властен совершить такое. Если пожелает.

Он ощутил на себе чей-то взгляд, открыл глаза, вернулся в метро. На скамейке напротив сидела женщина – суровое, напряженное лицо, усталые, отрешенные глаза, которые она поспешно отвела в сторону. Секундная стрелка на часах рывками двигалась по кругу, пока он в уме повторял адрес. Проверил пульс. Нормальный. Голова легкая, но не слишком. Он не мерз и не потел, не испытывал ни страха, ни радости, ни досады, ни удовольствия. Поезд замедлил ход. «Шарль-де-Голль – Этуаль». Напоследок он еще раз взглянул на женщину. Она пристально смотрела на него, однако, доведись им встретиться вновь, хоть сегодня же вечером, наверняка его не узнает.

Он встал, подошел к двери. Негромко скрипнули тормоза. Дезодорант и моча. И свобода. Которую все ж таки невозможно представить себе как запах. Двери скользнули в стороны.

Харри вышел на платформу, остановился, вдохнул теплый затхлый воздух, взглянул на листок с адресом. Двери за спиной закрылись, легкое дуновение подсказало, что поезд снова тронулся. Харри зашагал к выходу. Рекламный плакат над эскалатором сообщал, что есть средства избежать простуды. Как бы в ответ он закашлялся, подумал: «Черта с два!» – сунул руку в глубокий внутренний карман шерстяного пальто, нащупал под фляжкой сигареты и пачку молочных пастилок.

С сигаретой в зубах он миновал стеклянную дверь, оставил позади неестественное сырое тепло оловской подземки и по лестнице поднялся на совершенно естественный для Осло мороз, в декабрьские потемки. Машинально съезжился. Эгерторг. Маленькая открытая площадь, перекресток пешеходных улиц в самом сердце столицы, если в эту пору года у нее вообще было сердце. Торговые киоски, несмотря на воскресенье, открыты, ведь до Рождества без малого две недели, и площадь кишела людьми, сновавшими в желтых отсветах из окон незатейливых четырехэтажных магазинов, которые окаймляли площадь. Глядя на пакеты с подарками, Харри напомнил себе, что надо купить что-нибудь Бьярне Мёллеру, – завтра у него последний рабочий день в полицейском управлении. Многолетний начальник и главный защитник Харри в полиции наконец-то осуществил свой план отступления и со

следующей недели займет в полицейском управлении Бергена должность так называемого старшего следователя по особым делам. Фактически это означало, что Бьярне Мёллер впредь до пенсии сможет делать что хочет. Неплохо, но Берген? Дождь и сырые, холодные горы. Мёллер и родом вовсе не оттуда. Харри всегда относился к Бьярне Мёллеру с большой симпатией, хотя не всегда его понимал.

Какой-то мужчина в комбинезоне-дутике вперевалку, точно астронавт, прошел мимо, выпуская из круглых розовых щек морозный пар. Сутулые спины и замкнутые зимние лица. У стены возле часовой мастерской Харри заметил бледную женщину в тонкой черной кожаной куртке с дырой на локте: переминаясь с ноги на ногу, она оглядывалась по сторонам в надежде найти дилера. Попрошайка, длинноволосый, небритый, но вполне хорошо одетый в теплые и модные молодежные шмотки, сидел на газоне в позе йога, прислонясь к фонарному столбу, склонив голову и как бы медитируя, рядом стояла картонная кружка из-под капучино. В последний год Харри замечал все больше попрошаек и удивлялся, до чего они похожи один на другого. Даже картонные кружки и те одинаковые, словно некий тайный знак. Может, это инопланетяне украдкой захватывают его город, его улицы. А что? Да пожалуйста.

Харри вошел в часовую мастерскую.

– Можете починить? – спросил он молодого человека за прилавком, протягивая ему дедовские часы, в прямом смысле дедовские. Харри получил их еще ребенком, в Онданесе, в тот день, когда хоронили маму. И сперва даже испугался, но дед успокоил его, сказал, что часы всегда передают из рук в руки и что в свое время Харри тоже должен их передарить: «Пока не поздно».

Харри начисто забыл про эти часы и не вспоминал до нынешней осени, когда Олег гостил у него на Софиес-гате и, разыскивая игровую приставку, обнаружил в ящике стола серебряный хронометр. Девятилетний мальчуган, давно превзошедший Харри в их любимой игре, а именно в несколько устарелом «тетрисе», тотчас забыл про состязание, которое предвкушал с таким восторгом, и занялся часами – вертел, крутил, встряхивал, пытаясь заставить их ходить.

«Они сломаны», – сказал Харри.

«Ерунда, – ответил Олег. – Все можно починить».

В глубине души Харри надеялся, что так оно и есть, но в иные дни его одолевали большие сомнения. Все же он неуверенно подумывал, не познакомить ли Олега с группой «Юкке и валентинки», с их альбомом «Все можно починить». Но по зрелом размышлении пришел к выводу, что мать Олега, Ракель, вряд ли одобрит, что бывший ее возлюбленный и алкоголик подсовывает сыну песни о пьянстве, написанные и исполненные покойным наркоманом.

– Можно починить? – спросил он молодого человека за прилавком.

Проворные, умелые пальцы быстро открыли механизм.

– А стоит ли?

– В каком смысле?

– У антиквара можно купить часы получше, причем исправные, и обойдутся они дешевле, чем ремонт вот этих.

– Все-таки попробуйте, – сказал Харри.

– Ладно. – Молодой человек уже принялся изучать механизм и, похоже, был вполне доволен решением клиента. – Приходите в среду.

Выйдя на улицу, Харри услышал хрупкий звук гитарной струны, донесшийся из усилителя. Громкость возросла, когда гитарист, парень со скудной растительностью на лице, в напульсниках, подкрутил один из колков. Скоро здесь, на Эгерторг, состоится традиционный предрождественский концерт в пользу Армии спасения с участием известных артистов. Народ уже потихоньку собирался возле группы музыкантов, которые расположились посредине площади, за треногой с черной кружкой Армии спасения.

– Это ты?

Харри обернулся. Бабенка, та, со взглядом наркоманки.

– Ты, да? Вместо Снупи? Мне срочно нужна доза, я...

– Извини, – перебил Харри, – не по адресу.

Она уставилась на него. Склонила голову набок, прищурилась, словно прикидывая, не смеется ли он над ней.

– Но я же видела тебя раньше!

– Я из полиции.

Она осеклась. Харри вздохнул. Реакция у нее заторможенная, его слова будто пробирались в обход сгоревших нервных волокон и разрушенных синапсов. Но вот в глазах тускло затлела ненависть, как он и ожидал.

– Легавый?

– По-моему, у нас уговор, чтобы вы держались на Плате, а? – Харри смотрел мимо нее, на вокалиста.

– Да ладно, – буркнула бабенка и стала у Харри прямо перед носом. – Ты не из наркоотдела. Тебя по телику казали, из-за убийства...

– Убойный отдел. – Харри легонько взял ее за локоть. – Послушай. То, что тебе нужно, найдешь на Плате. Не вынуждай меня тащиться с тобой в участок.

– Нельзя мне туда! – Она вырвала руку.

Харри пожалел, что связался с ней, и поднял руки:

– Скажи хотя бы, что не станешь тут покупать, и я уйду. Согласна?

Она опять склонила голову к плечу. Тонкие бескровные губы чуточку дрогнули, точно она усмотрела в ситуации что-то забавное.

– Сказать тебе, почему я не могу пойти на Плату?

Харри молчал, ожидая продолжения.

– Мальчонка мой там, вот почему.

Он ощутил ком под ложечкой.

– Не хочу, чтобы он видел меня такой. Понятно тебе, легавый?

Харри смотрел в ее строптивное лицо, соображая, что сказать в ответ.

– Счастливого Рождества! – бросила она, поворачиваясь к нему спиной.

Харри швырнул сигарету в бурую снежную пыль, зашагал прочь. Скорей бы покончить с этим делом. Он не смотрел на встречных прохожих, и они тоже на него не смотрели, буравили взглядом ледяную корку под ногами, будто совесть у них нечиста, будто они, граждане самой щедрой на свете социал-демократии, все-таки стыдились. «Мальчонка мой там, вот почему».

На Фреденсборгвейен, рядом с Дайкманской библиотекой, Харри остановился: вот он, адрес, указанный на конверте. Запрокинул голову. Серый с черным фасад, свежошпукатуренный. Сырая мечта граффитиста. В окнах кое-где уже развешены рождественские украшения – силуэты на фоне мягкого желтого света, наводящего на мысль о

теплом семейном уюте. «Возможно, так оно и есть», – подумал Харри. Через силу, потому что, прослужив двенадцать лет в полиции, поневоле заражаешься презрением к людям, которое неизбежно сопутствует этой службе. Но он этому противился, надо отдать ему должное.

Отыскав звонок с нужной фамилией, Харри закрыл глаза, постарался прикинуть, как повести разговор, сформулировать вопрос. Без толку. По-прежнему мешал ее голос: «Не хочу, чтобы он видел меня такой».

Он махнул рукой. Есть ли вообще способ сформулировать Невозможное?

Большим пальцем он надавил на холодную кнопку, и где-то в доме зазвенел звонок.

Капитан Юн Карлсен отпустил кнопку звонка, поставил на тротуар тяжелые пластиковые пакеты, глянул вверх, на фасад. Дом словно подвергся обстрелу легкой артиллерии. Штукатурка во многих местах обвалилась, окна пострадавшей от пожара квартиры на втором этаже заколочены досками. Сперва он прошел мимо голубого фредриксеновского дома, казалось, мороз высосал краски и сделал все фасады на Хаусманнсгате совершенно одинаковыми. Только заметив захваченный бомжами дом, на стене которого было намалевано «Западный рубеж», он сообразил, что проскочил нужный адрес. Трещина в стекле двери походила на букву «V». На знак победы.

Юн поежился в своей непромокаемой куртке: хорошо еще, что форма Армии спасения сшита из добротной чистой шерсти. По окончании Офицерского училища, когда пришел черед новой формы, ни один из готовых мундиров на складе Армии ему по размеру не подошел, поэтому он получил отрез и отправился к портному, который дымил ему в лицо и ни с того ни с сего объявил, что не считает Иисуса своим персональным спасителем. Но дело свое он знал, и Юн тепло поблагодарил его, поскольку не привык к одежде, которая сидит на нем хорошо. Должно быть, всему виной сутулая спина. Те, кто сегодня вечером видел, как он шагает по Хаусманнсгате, думали, наверно, что парень сутулится от ледяного декабрьского ветра, который швырял в лицо колючую снежную крупу и гнал застывшие в камень отбросы по тротуарам улиц, где громыхали тяжелые машины. Однако те, кто знал Юна Карлсена, говорили, что он горбит спину, чтобы убавить себе рост и нагнуться к тем, кто ниже его. Вот как нагнулся сейчас возле подъезда, чтобы двадцатикроновая монета попала в коричневую картонную кружку, зажатую в грязной трясущейся руке.

– Как дела? – спросил он у бесформенной фигуры, которая, скрестив ноги, сидела на куске картона, прямо на тротуаре, в снежной поземке.

– Жду очереди на курс метадона, – произнес горемыка, монотонно, с запинкой, точно плохо затверженный псалом, не сводя глаз с колен черных Юновых брюк.

– Ты бы зашел в наше кафе на Уртегата, – сказал Юн. – Погреешься, поешь и...

Конец фразы утонул в реве машин, на светофоре у них за спиной вспыхнул зеленый.

– Времени нету, – отозвался попрошайка. – Полсотни у тебя не найдется?

Вечный наркоманский фокус, как всегда, застал Юна врасплох. Он вздохнул и сунул в кружку сотенную купюру.

– Посмотри себе что-нибудь во «Фретексе». Если там нету, приходи в «Маяк», мы завезли туда новые зимние куртки. Замерзнешь ведь в своей тоненькой джинсовке.

Юн сказал это со смирением человека, который знает, что милостыня его пойдет на покупку наркотиков, а куда податься? Всегдашний припев, одна из невыносимых моральных дилемм.

Он еще раз нажал кнопку звонка. Глянул на свое отражение в грязном стекле витрины рядом с подъездом. Теа говорит, он большой, высокий. А на самом деле ничего подобного. Он маленький. Маленький солдат. Однако затем маленький солдат двинет в «Думпу» на Мёллервейен за Акером, где начинаются восточная окраина и Грюнерлётка, через Софиенбергпарк на Гётеборггата, 4, к дому, который принадлежал Армии спасения и сдавался ее сотрудникам, войдет в подъезд В, возможно, кивнет легонько другим жильцам, а они, вероятно, решат, что он направляется к себе, на четвертый этаж. Но он поднимется лифтом на пятый, перейдет через чердак в подъезд А, прислушается, свободен ли путь, поспешит к квартире Теа и постучит условным стуком. А она откроет дверь и заключит его в объятия, где он снова оживет.

Вибрация.

Сперва он почему-то подумал, что дрожит земля, город, фундамент. Потом поставил один пакет на асфальт, сунул руку в карман брюк. Мобильник вибрировал в ладони. На дисплее номер Рагнхильд. Только сегодня уже третий раз. Он понимал, откладывать больше нельзя, надо ей рассказать. Что они с Теа решили обручиться. Правда, прежде необходимо найти правильные слова. Он убрал телефон в карман и постарался не смотреть на свое отражение. Но решение принял. Хватит праздновать труса. Наберись смелости. Стань большим солдатом. Ради Теа с Гётеборггата. Ради отца в Таиланде. Ради Господа на небесах.

– Чего надо? – твякнул динамик домофона.

– Привет. Это Юн.

– Кто?

– Юн. Из Армии спасения.

Он ждал.

– Чего тебе надо? – просипел голос.

– Я принес еду. Вам, наверно, пригодится...

– Сигареты есть?

Юн сглотнул, потопал ногами в снегу.

– Нет, на этот раз денег хватило только на продукты.

– Черт.

Снова тишина.

– Алло? – окликнул Юн.

– Чего? Думаю я.

– Если хочешь, могу зайти попозже.

Зажужжал механизм замка, и Юн поспешно толкнул дверь.

Помойка, а не подъезд: брошенные газеты, пустые бутылки, желтые наледи мочи. Хорошо еще, что мороз избавил его от необходимости вдыхать едкую, тошнотворную вонь, наполнявшую дом в теплую погоду.

Он старался не шуметь, но все равно топал. Женщина, поджидавшая в дверях, смотрела на пакеты. «Чтобы не смотреть на меня», – подумал Юн. Лицо у нее оплывшее, отечное, что неудивительно после стольких лет пьянства, и сама поперек себя шире, в халате, под которым виднеется замызганная майка. Из квартиры тянуло каким-то смрадом.

Юн остановился на площадке, поставил пакеты на пол.

– Муж твой тоже дома?

– Да, он дома, – сказала она с мягким французским выговором.

Красивая. Высокие скулы, большие миндалевидные глаза. Узкие бледные губы. И одета хорошо. Во всяком случае, насколько он мог видеть в приоткрытую дверь.

Машинально он поправил красную косынку на шее.

Дверь тяжелая, дубовая, без таблички, замок солидный, из латуни. Еще стоя в подъезде на авеню Карно и дожидаясь, когда консьержка откроет входную дверь, он отметил, что все здесь выглядело новым и дорогим – и дверная рама, и домофон, и замки. А что светло-желтый фасад и белые жалюзи покрыты налетом уличной сажи, только подчеркивало почтенную солидность этого парижского квартала. В подъезде развешены оригинальные живописные полотна.

– А в чем дело?

И взгляд, и интонация совершенно безучастны, хотя, возможно, скрывают легкую недоверчивость, вызванную его скверным французским.

– У меня сообщение, мадам.

Она помедлила. Но в итоге поступила так, как он и ожидал.

– Ну что ж. Подождите здесь, я его позову.

Она закрыла дверь, хорошо смазанный замок мягко вошел в гнездо. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу. Да, французский надо бы подучить. Вечерами мать заставляла его долбить английский, но во французском так и не навела порядок. Он смотрел на дверь. Французский проем. Французский визит. Красиво.

Ему вспомнился Джорджи. Белозубый улыбчивый Джорджи был на год старше, значит, сейчас ему двадцать четыре. Он все такой же красивый? Белокурый, маленький, пригожий, как девушка? Он был влюблен в Джорджи, без предрассудков и оговорок, как могут влюбляться только дети.

За дверью слышались шаги. Мужские. Сейчас дверь откроется. Синий прочерк меж работой и свободой, отсюда до мыла и мочи. Скоро пойдет снег. Он приготовился.

В дверном проеме возникла физиономия мужчины.

– Какого черта тебе тут надо?

Юн поднял пакеты, изобразил улыбку.

– Свежий хлеб. Хорошо пахнет, верно?

Фредриксен положил загорелую ручищу жене на плечо, задвинул ее в квартиру.

– Я чую только одно: христианскую кровь... – Он произнес это четко, трезвым голосом, но водянистые глаза на бородатом лице говорили о другом. Попытались сосредоточиться на пакетах. Мужик с виду крупный, сильный, но вроде как усохший изнутри. Весь костяк, даже череп, сократился, отчего кожа стала велика этак размера на три и обвисла тяжелыми складками, особенно на злобной физиономии. Грязным пальцем Фредриксен провел по свежим царапинам на переносице.

– Проповедь читать будешь? – спросил Фредриксен.

– Нет, я только хотел...

– Да ладно тебе, солдат. Вы же рассчитываете получить кой-чего взамен, верно? Душу мою, к примеру.

Юн пожал плечами:

– Я душами не занимаюсь, Фредриксен. Мое дело продукты...

– Ну давай маленько попроповедуй!

– Я же сказал...

– Проповедуй!

Юн стоял и смотрел на Фредриксена.

– Открывай варезку и проповедуй! – рявкнул тот. – Проповедуй, чтоб мы ели с чистой совестью, христианин хренов! Давай, не тяни резину! Каково нынче послание Господне?

Юн открыл рот и снова закрыл. Сглотнул. Попробовал снова, на этот раз получилось:

– Ныне сказано: и отдал Он сына Своего, чтобы тот принял смерть... за наши грехи.

– Врешь!

– Нет, к сожалению, не могу. – Харри смотрел в испуганное лицо мужчины, который стоял в дверях. Из квартиры пахло обедом, слышался звон столовых приборов. Семейный человек. Отец. До этой минуты. Мужчина почесывал предплечье, глядя куда-то поверх головы Харри, словно кто-то стоял там, наклонясь над ним. Звук от почесывания был шуршащий, неприятный.

Звон приборов стих. Шаркающие шаги замерли за спиной мужчины, маленькая рука легла ему на плечо, из-за которого выглянуло женское лицо с большими боязливыми глазами.

– Что случилось, Биргер?

– Полицейский хочет что-то сообщить, – тихо сказал Биргер Холмен.

– Что случилось? – Женщина посмотрела на Харри. – Что-то с нашим мальчиком? С Пером?

– Да, госпожа Холмен, – сказал Харри, увидел, как ее глаза наполнились страхом, и снова попытался найти невозможные слова. – Мы нашли его два часа назад. Ваш сын мертв.

Он поневоле отвел взгляд.

– Но он... он... где?.. – Теперь она смотрела на мужа, который все почесывал руку.

Ведь до крови расчесет, подумал Харри и откашлялся.

– В контейнере, в Бьёрвике. Как мы и опасались. Он умер задолго до нашего появления.

Казалось, Биргер Холмен внезапно потерял равновесие, он попятился в освещенную прихожую, схватился за стоячую вешалку. Женщина шагнула в дверной проем, и Харри увидел, как муж у нее за спиной рухнул на колени.

Харри вздохнул, сунул руку во внутренний карман пальто. Холодный металл фляжки обжег пальцы. Он вытащил конверт. Письмо он не читал, и без того слишком хорошо знал его содержание. Короткое официальное извещение о смерти, сухие слова, ничего лишнего. Бюрократическая процедура.

– Я очень сожалею, но должен передать вам это, дело есть дело.

– В чем состоит ваше дело? – спросил по-французски средних лет коротышка, выговор у него был преувеличенно чистый, характерный не для высшего общества, но для тех, кто стремился туда попасть. Визитер посмотрел на него. Все точь-в-точь как на фото в конверте, даже тугой узел галстука и просторная красная домашняя куртка.

Он не знал, что натворил этот человек. Вряд ли нанес кому-то физический ущерб, потому что, несмотря на досадливую мину, явно занял оборонительную позицию, держался прямо-таки испуганно, а ведь стоял в дверях собственной квартиры. Может, украл деньги или растратил? Судя по его виду, он вполне мог работать с цифрами. Но едва ли речь шла о крупных суммах. Жена у него, конечно, красавица, однако он не похож на такого, кто ворует по-крупному. Может, завел интрижку на стороне, переспал с чужой женой, а муж оказался... Да нет. Низкорослые мужчины с возможностями чуть выше средних, имеющие жен, которые

куда привлекательнее их самих, как правило, больше озабочены тем, не изменяет ли им жена. Этот человек раздражал его. Может, в этом все дело. Может, он просто кого-то раздражал. Он сунул руку за пазуху.

– Дело мое состоит... – сказал он, положив на крепкую латунную дверную цепочку ствол «Льяма минимакс», купленного всего за три сотни долларов, – вот в этом.

Он прицелился поверх глушителя, простой металлической трубки, навинченной на ствол, резьбу сделал загребский слесарь. Черная обмотка из изоленды только обеспечивала герметичность. Он, конечно, мог купить настоящий глушитель за сто с лишним евро, но зачем? Все равно ведь он не заглушит визг пули, преодолевающей звуковой барьер, грохот горячего газа, сталкивающегося с холодным воздухом, лязг металлических деталей пистолета, бьющихся друг о друга. Только в голливудских фильмах выстрелы через глушители звучат как хлопки лопающегося попкорна.

Выстрел – как удар бича, он припал лицом к узкой щели.

Мужчина с фотографии упал навзничь, не издав ни звука. В холле царил полумрак, но в золоченом зеркале на стене он видел свет, падавший из приоткрытой двери, и собственный глаз. Убитый лежал на толстом винно-красном ковре. Персидском? Может, у него и впрямь были деньги.

А сейчас всего-навсего маленькая дырочка во лбу.

Он поднял голову и встретился глазами с его женой. Если это жена. Она стояла на пороге комнаты. За ее спиной висела лампа в большом желтом соломенном абажуре. Она прижимала руку к губам и смотрела на него. Он коротко кивнул ей. Потом осторожно закрыл дверь, сунул пистолет в плечевую кобуру и пошел вниз по лестнице. На обратном пути он никогда лифтом не пользовался. Как не пользовался ни прокатными машинами, ни мотоциклами, ни иными вещами, которые могут застрять. И не бежал. Не разговаривал и не кричал, ведь голос – лишняя примета для ориентировки.

Отход – самая критическая часть работы, но именно это он любил больше всего. Словно парение, ничто без сновидений.

На первом этаже у дверей своей квартиры стояла консьержка и растерянно смотрела на него. Он шепнул «до свидания», но она только молча смотрела, и все. Через час полиция будет допрашивать ее, попросит описать его. И она опишет. Среднего роста мужчина, обыкновенной наружности. Лет двадцати. Или, может, тридцати. Но не сорока, во всяком случае. Так ей кажется.

Он вышел на улицу. Париж тихонько рокотал, словно гроза, которая ближе не подступала, но никогда не кончалась. Пистолет он бросил в мусорный контейнер, который приметил заранее. Два совершенно новых пистолета той же марки ждали в Загребе. Он купил сразу несколько, со скидкой.

Когда полчаса спустя автобус, направлявшийся из Парижа в аэропорт Шарль-де-Голль, проезжал Порт-де-ла-Шапель, в воздухе замельтешили снежинки, выбелили землю между мерзлыми желтыми былинками, торчащими кое-где под серым небом.

Пройдя регистрацию и контроль безопасности, он двинул напрямик в мужской туалет. Стал в конце длинного ряда писсуаров, расстегнул ширинку – струя ударила прямо по белым таблеткам дезодоранта на дне. Закрыв глаза и сосредоточился на сладковатом запахе парадихлорбензола и лимонной отдушки фирмы «Джей & Джей кемиклз». Синий прочерк к свободе прервался. Он на пробу произнес название: «Ос-ло».

Откинувшись на спинку стула, Харри сидел в комнате 605 в красной зоне на шестом этаже полицейского управления, громады из бетона и стекла, с самым многочисленным в Норвегии штатом сотрудников. Эту комнату Халворсен – молодой полицейский, с которым Харри делил десять квадратных метров, – прозвал просветконторой, а сам Харри, чтобы охладить пыл Халворсена, именовал учебкой.

Но сейчас Харри в одиночестве буравил взглядом стену, где наверняка было бы окно, будь здесь в самом деле просветконтора.

Воскресенье. Он составил отчет и мог пойти домой. Так почему же не шел? За воображаемым окном он видел огороженный пустырь у залива Бьёрвика, где снежинки, точно конфетти, падали на зеленые, красные, синие контейнеры. Дело закрыто. Перу Холмену, молодому героинщику, надоело жить, он залез в контейнер и принял последнюю дозу. Свинцовую. Из пистолета. Никаких признаков внешнего насилия, пистолет лежал рядом. Как выяснила агентура, долгов Пер Холмен не имел. Да и наркоторговцы, разделяваясь со своими должниками, не стремятся маскировать расстрел, выдавать его, скажем, за самоубийство. И зачем в таком случае попусту тратить вечер, обыскивая на проносном ветру неприютный контейнерный склад, где найдешь разве только еще больше горя и безнадежности?

Харри глянул на шерстяное пальто, висевшее на стоячей вешалке. Фляжечка в кармане полнехонька. И он не притрагивался к ней с тех пор, как в октябре купил бутылку «Джима Бима», злейшего своего врага, наполнил фляжку, а остатки вылил в раковину. Вот с октября и носил в кармане отраву, как нацистские вожди таблетки цианида в подметках. К чему эта дурацкая блажь? Он не знал. Да это и не важно. Главное – она действует.

Харри посмотрел на часы. Без малого одиннадцать. Дома есть хорошая подержанная кофеварка-эспрессо и непросмотренный DVD, который он приберег как раз на такой вот вечер. «Все о Еве», снятый в 1950 году шедевр Манкевича, с Бетт Дэвис и Джорджем Сандерсом.

Прикинул. Зная, что выбор падет на контейнерный склад.

Подняв воротник пальто, Харри стоял спиной к северному ветру, который продувал высокий забор впереди и наметал сугробы вокруг контейнеров. Портовая зона с ее огромными безлюдными пространствами ночью вообще казалась пустыней.

Огороженная территория была освещена, но фонарные столбы раскачивались под могучими порывами ветра, и по проходам между металлическими контейнерами, водруженными по два, по три друг на друга, металась тень. Контейнер, на который смотрел Харри, был красный и цветом плохо сочетался с оранжевой полицейской лентой. Однако в декабрьском Осло он представлял собой неплохое убежище, поскольку ни размером, ни комфортом не уступал голым камерам КПЗ в полицейском управлении.

В отчете группы, работавшей на месте происшествия, – собственно, сотрудников было всего двое: дознаватель и техник-криминалист – указано, что контейнер некоторое время

пустовал. И стоял незапертый. Охранник заявил, что запирать пустые контейнеры нет нужды, ведь территория обнесена забором, а к тому же охраняется. Тем не менее наркоман туда пробрался. По всей вероятности, Пер Холмен один из многих, что обретались возле Бьёрвики, откуда рукой подать до наркоманского «супермаркета» на Плате. Вполне возможно, охранник сознательно смотрел сквозь пальцы на то, что его контейнеры временами служили ночлегом, вполне возможно, он понимал, что иной раз они спасали жизнь?

Контейнер не заперт, а вот на воротах в заборе висит здоровенный амбарный замок. Надо было позвонить из управления, предупредить, с досадой подумал Харри. Если тут вообще есть охрана, он что-то никого не видит.

Харри опять посмотрел на часы. Поразмыслил, прикидывая высоту забора. Он в хорошей форме. В очень даже хорошей. К спиртному после рокового летнего срыва не притрагивался, регулярно тренировался в гимнастическом зале управления. Более чем регулярно. Перед тем как выпал снег, побил на стадионе давний рекорд Тома Волера в беге с препятствиями. Спустя несколько дней Халворсен осторожно поинтересовался, не связаны ли его усиленные тренировки с Ракелью. У него-де сложилось впечатление, что они больше не встречаются. Харри коротко, но без обвиняков объяснил молодому коллеге, что, хотя они и делят кабинет, это вовсе не означает, что они делят и частную жизнь. Халворсен только пожал плечами, спросил, с кем Харри в таком случае намерен разговаривать, и получил подтверждение своей догадки, поскольку Харри встал и вышел из комнаты 605.

Три метра. Без колючей проволоки наверху. Проще простого. Харри как можно выше схватился руками за сетку, уперся ногами в столб ограды и подтянулся, снова перехватил сетку повыше, секунду висел на вытянутых руках, пока снова не оперся ногами о забор. Точно гусеница. Ну вот, он перебросил тело на другую сторону.

Подняв засов, он открыл дверцу контейнера, достал большой солидный армейский фонарь, поднырнул под ленту полицейского ограждения и влез внутрь.

Странная тишина, будто и звуки застыли.

Харри включил фонарь, направил луч в глубь контейнера. На полу меловой контур – там, где найдено тело Пера Холмена. Беата Лённ, руководитель криминалистического отдела, показывала ему фотографии. Пер Холмен сидел, прислонясь спиной к стене, с дыркой в правом виске, и опять-таки справа от него лежал пистолет. Крови мало. При выстреле в голову это единственный плюс. Пистолет скромного калибра, так что входное отверстие маленькое, а выходное вообще отсутствует. Стало быть, судебный медик найдет пулю внутри черепа, куда она вошла как шарик от настольного футбола, превратив в кашу то, чем Пер Холмен думал. И принял свое решение. А в конце концов и приказал пальцу нажать на спуск.

«Уму непостижимо», – обыкновенно говорили его коллеги, в очередной раз обнаружив молодого самоубийцу. Скорей всего, думал Харри, они говорили так, чтобы защитить себя, отмести саму мысль об этом. Иного объяснения их «уму непостижимо» он найти не мог.

Однако именно эти слова пришли ему сегодня на ум, когда он стоял на лестничной площадке и смотрел в темную прихожую, где отец Пера Холмена рухнул на колени, смотрел на его сгорбленную спину, содрогающуюся от рыданий. И поскольку он не знал утешительных слов о смерти, Боге, спасении, загробной жизни и не видел во всем этом смысла, беспомощно пробормотал: «Уму непостижимо».

Харри погасил фонарь, сунул его в карман, и вокруг сомкнулась темнота.

Ему вспомнился отец. Улав Холе. Преподаватель на пенсии, живший в доме в Уппсале. Вспомнилось, как у него загорались глаза, когда раз в месяц Харри или дочка, Сестрёньш, приезжали навестить его, и как огонек в глазах потихоньку угасал, пока они пили кофе и разговаривали о всяких пустяках. Ведь то единственное, что имело значение, осталось лишь на фотографии, стоявшей на пианино, на котором она когда-то играла. Он, Улав Холе, теперь в общем-то ничего не делал. Только читал свои книги. О дальних странах, какие ему уже не доведется увидеть, да он туда и не стремится, ведь ее рядом не будет. «Величайшая утрата», – говорил отец в те считанные разы, когда о ней заходила речь. И сейчас Харри подумал: что скажет отец в тот день, когда ему сообщат о смерти сына?

Харри выбрался из контейнера, подошел к забору. Взялся за него руками. И тут вдруг на мгновение воцарилась полнейшая тишина, словно ветер затаил дыхание, не то прислушиваясь, не то задумавшись о своем, и в ночном мраке был слышен только спокойный гул города. Да еще шелест бумаги, которую ветер гонит по асфальту Стоп. Ветер-то утих. Это не бумага, это шаги. Быстрые, легкие шаги.

Лапы животного.

Сердце у Харри забило как безумное, он молниеносно подтянул колени, полез вверх. Лишь задним числом он поймет, что нагнало на него такой страх. Тишина, полная тишина – ни рычания, ни иных признаков враждебности. Словно находившийся за спиной зверь не хотел его спугнуть. Бесшумно подкрадывался. Охотился на него. Если б Харри разбирался в собаках, то, вероятно, знал бы, что только одна-единственная никогда не рычит – ни от страха, ни атакая. Кобель породы черный метцнер. Харри перехватил сетку повыше, подобрал ноги – шаги смолкли, он понял, что собака прыгнула, и наотмашь лягнул ногой.

Утверждение, что, когда испуг до отказа насыщает кровь адреналином, человек не чувствует боли, в лучшем случае слишком уж обобщенно. Харри взвыл, когда зубы крупного, гибкого пса вонзились в правую голень и прокусили ее до самой надкостницы. Забор гудел, тяжесть тянула обоих вниз, но Харри отчаянно цеплялся за сетку, не выпускал ее из рук. В иной ситуации тут бы все и кончилось. Любая другая собака такого веса, как взрослый метцнер, наверняка бы разжала хватку. Однако у черного метцнера зубы и челюстные мышцы рассчитаны на то, чтобы дробить кости, недаром в народе говорят, будто он в родстве с пятнистой гиеной, пожирательницей костей. Поэтому пес так и висел у Харри на ноге, вцепившись в нее двумя верхними клыками, слегка загнутыми внутрь, и одним нижним, который стабилизировал захват. Второй нижний клык он в трехмесячном возрасте сломал о стальной протез.

Харри сумел водрузить левый локоть на верхний край забора и попробовал подтянуться вместе с собакой. Но та застряла одной лапой в сетке. Правой рукой Харри старался нащупать карман, нашел, ладонь сомкнулась вокруг резиновой рукоятки фонаря. Он глянул вниз и впервые увидел пса. Тусклый блеск черных глаз на черной же морде. Харри размахнулся – фонарь с силой угодил прямо меж ушей, аж треск раздался. Снова размахнулся, ударил еще раз. Попал по чувствительному носу. Бил еще и еще, метил по глазам, которые ни разу не моргнули. Потом фонарь выскользнул из пальцев, упал на землю. Пес хватку не разжимал. Из последних сил Харри цеплялся за сетку. Ему не хотелось думать о том, что может случиться дальше, но отмахнуться от этих мыслей не удавалось.

– Помогите!

Растерянный крик утонул в шуме вновь налетевшего ветра. Он ухватился за сетку другой рукой и вдруг расхохотался. Быть не может, чтобы все кончилось вот так! Что его найдут на

контейнерном складе загрызенного сторожевой собакой! Он набрал воздуха. Острые концы сетки впивались под мышку, пальцы онемели. Еще несколько секунд – и он не удержится. Будь у него оружие. Хотя бы бутылка вместо карманной фляжки, он бы разбил ее и использовал для обороны.

Фляжка!

Последним усилием Харри запустил руку во внутренний карман и вытащил фляжку. Сунул горлышко в рот, ухватил крышку зубами и повернул. Крышка снялась, бренди плеснуло в рот. По телу толчком прошла дрожь. Господи. Он припал лицом к сетке, зажмурил глаза – далекие огни «Плазы» и «Оперы» стали белыми черточками среди черноты. Правой рукой он наклонил фляжку, так что она оказалась прямо над красной пастью собаки. Выплюнул изо рта крышку и бренди, пробормотал: «Твое здоровье!» – и опрокинул фляжку. Две длинные секунды черные собачьи глаза в полном замешательстве смотрели на Харри, меж тем как коричневая жидкость, булькая, лилась в пасть. И челюсти разжались. Харри услышал, как собака шлепнулась на голый асфальт. Затем донесся хрип и тихий скулеж, когти царапнули по асфальту, и собака исчезла во мраке.

Харри подобрал ноги, перелез через забор. Закатал штанину и даже без фонаря понял, что сегодня надо идти в травмопункт, посмотреть «Все о Еве» не удастся.

Положив голову на колени Теа и закрыв глаза, Юн слушал тихое бормотание телевизора. Шел сериал из тех, какие она любит. «Король Бронкса». Или Куинса?

– Ты спросил у брата, подежурит ли он на Эгерторг? – поинтересовалась Теа.

Рукой она прикрыла ему глаза. Он чувл сладковатый запах ее кожи, она только что сделала себе укол инсулина.

– Ты о чем? – переспросил Юн.

Она убрала руку и недоверчиво посмотрела на него.

Юн засмеялся:

– Не волнуйся. Я давным-давно с ним договорился. Он согласен.

Теа удрученно вздохнула. Юн взял ее руку, снова положил себе на глаза.

– Только я не сказал ему, что это твой день рождения. Наверно, тогда бы он не согласился.

– Почему?

– Потому что он с ума по тебе сходит, ты же знаешь.

– Это ты так считаешь.

– А ты его недолюбливаешь.

– Неправда!

– Почему же ты всегда напрягаешься, стоит мне упомянуть его имя?

Она громко рассмеялась. Вероятно, чему-то в Бронксе. Или в Куинсе.

– Ты заказал столик в ресторане? – спросила она.

– Да.

С улыбкой она сжала его руку. Потом нахмурилась:

– Я вот подумала. Вдруг кто-нибудь нас увидит?

– Из Армии? Исключено.

– Ну а вдруг все-таки?

Юн не ответил.

– Может, пора сказать об этом?

– Не знаю. Не лучше ли все-таки повременить, пока мы не убедимся...

– А ты не убедился, Юн?

Он отодвинул ее руку и с удивлением посмотрел на Теа:

– Слушай, ты ведь прекрасно знаешь, я люблю тебя больше всего на свете. Дело не в этом.

– А в чем?

Юн вздохнул, поднялся с ее колен, сел рядом.

– Ты не знаешь Роберта, Теа.

Она криво улыбнулась:

– Я знаю его с самого детства, Юн.

Он отвернулся.

– Да, только одного не знаешь. Не знаешь, каков он в ярости. Совершенно другой человек, сладу нет. Это у него от отца. Он опасен, Теа.

Она прислонилась головой к стене, молча глядя в пространство перед собой.

– Предлагаю немного повременить. – Юн потер руки. – Ведь надо считаться и с твоим братом.

– С Рикардом?

– Да. Что он скажет, если ты, его родная сестра, объявишь, что обручилась именно со мной и именно сейчас?

– Ах, вот ты о чем. Раз вы соперники, оба претендуете на должность управляющего?

– Ты хорошо знаешь, что для Руководящего комитета очень важно, чтобы офицеры на ведущих постах имели солидного преемника. И совершенно ясно, что для меня тактически правильно объявить о предстоящей женитьбе на Теа Нильсен, дочери Франка Нильсена, правой руки командира. Но правильно ли это этически?

Теа прикусила верхнюю губу.

– А чем, собственно, эта работа так важна для тебя и для Рикарда?

Юн пожал плечами:

– Армия оплатила нам обоим учебу в Офицерском училище, а затем еще четырехлетний курс экономики в Коммерческом институте. Рикард наверняка думает так же, как я: мы обязаны выдвинуть свои кандидатуры, когда в Армии есть работа, для которой подходит наша квалификация.

– А может, ни один из вас ее не получит? Папа говорит, в Армии никогда еще не было главного управляющего моложе тридцати пяти.

– Знаю. – Юн вздохнул. – Никому не говори, но вообще-то мне же легче, если должность достанется Рикарду.

– Легче? Но ведь ты больше года отвечал за все сдаваемое внаем ословское имущество?

– Верно. Только ведь главный управляющий отвечает за всю Норвегию, Исландию и Фареры. Тебе известно, что Армия только в Норвегии владеет двумястами пятьюдесятью земельными участками с тремя сотнями зданий? – Юн легонько хлопнул себя по животу и с привычно озабоченной миной уставился в потолок. – Нынче я случайно глянул на свое отражение в стекле витрины и поразился собственной малости.

Последнюю реплику Теа пропустила мимо ушей.

– Рикард слышал от кого-то, что тот из вас, кто получит эту должность, станет следующим командиром.

– Командиром? – Юн негромко рассмеялся. – Ну это мне вовсе ни к чему.

– Не говори глупости, Юн.

– Я и не говорю, Теа. Мы с тобой куда важнее. Скажу, что не рвусь на должность управляющего, и мы объявим о помолвке. Я могу заняться другой важной работой. Экономисты Армии тоже нужны.

– Нет, Юн, – испуганно сказала Теа. – Ты у нас самый лучший и должен работать там, где принесешь максимум пользы. Рикард мой брат, но ему недостает... твоего ума. Все-таки с объявлением о помолвке можно пока повременить.

Юн пожал плечами.

Теа взглянула на часы:

– Сегодня тебе надо уйти до полуночи. А то Эмма вчера в лифте сказала, что встревожилась, когда у меня среди ночи хлопнула дверь.

Юн спустил ноги на пол.

– Не пойму, как мы только можем тут жить.

Она посмотрела на него с укоризной:

– Здесь мы, по крайней мере, заботимся друг о друге.

– Н-да, – вздохнул он. – Заботимся. Ладно, тогда спокойной ночи.

Она придвинулась к нему, скользнула ладонью под рубашку, и он с удивлением почувствовал, что рука у нее влажная от пота, будто она только что разжала кулак. Она прильнула к нему, дыхание участилось.

– Теа, мы не должны...

Она замерла, потом со вздохом убрала руку.

Юн недоумевал. До сих пор Теа не делала попыток приласкаться, наоборот, словно бы побаивалась физического контакта. И он ценил эту ее стыдливость. А она вроде как успокоилась, когда после первого свидания он сказал, что в уставе написано: «Армия спасения считает воздержание до брака христианским образцом». И хотя кое-кто полагал, что слово «образец» и слово «предписание», которое в уставах используется применительно к табаку и алкоголю, все ж таки неравнозначны, он не видел причин из-за такого рода тонкостей нарушать данный Богу обет.

Он обнял ее, встал, вышел в туалет. Запер за собой дверь и открыл кран. Подставил руки под струю воды, глядя в зеркало, где отражалось лицо человека, которому вообще-то полагалось быть счастливым. Надо позвонить Рагнхильд. Покончить с этим. Юн глубоко вдохнул воздух. Он *вправду* счастлив. Просто иные дни несколько напряженнее, чем другие.

Он утер лицо и вернулся к Теа.

Приемная травмопункта на Стургата, 40, залитая резким белым светом, в это время суток, как обычно, здорово напоминала человеческий зверинец. Какой-то трясущийся наркоман встал и ушел через двадцать минут после появления Харри. Как правило, они и десяти минут не могли высидеть. Харри хорошо его понимал. Во рту он по-прежнему ощущал вкус спиртного, пробудивший давних его недругов, которые отчаянно закопошились внутри. Нога жутко болела. А поход на контейнерный склад – как девяносто процентов всех следственных действий полиции – ничего не дал. Ладно, свидание с Бетт Дэвис отложим до следующего раза, пообещал он себе.

– Харри Холе?

Харри поднял голову – перед ним стоял мужчина в белом халате.

– Да.

– Идемте со мной.

– Спасибо, но, по-моему, сейчас ее очередь. – Харри кивнул на девчонку, которая сидела закрыв лицо руками.

Врач наклонился к нему:

– Она тут уже второй раз за вечер. Подождет.

Прихрамывая, Харри зашагал за белым халатом по коридору, вошел в тесный кабинет с письменным столом и простеньким книжным шкафом. Никаких личных вещей.

– Я думал, в полиции свои врачи, – заметил доктор.

– Отнюдь. Обычно нас даже без очереди не пропускают. А откуда вы знаете, что я полицейский?

– Извините. Я Матиас. Просто шел по коридору и увидел вас.

Врач с улыбкой протянул руку. Зубы ровные, один к одному. До того ровные, что напрашивается мысль о вставной челюсти, но только на миг, потому что все лицо такое же симметричное, чистое, с правильными чертами. Глаза голубые, со смешливыми морщинками, ладонь сухая, пожатие крепкое. Прямо как в романе из жизни врачей, подумал Харри. Врач с теплыми руками.

– Матиас Лунн-Хельгесен, – сказал тот, испытующе глядя на Харри.

– Понятно. Вы имеете в виду, я должен знать, кто вы.

– Мы встречались. Минувшим летом. На садовой вечеринке, у Ракели.

Харри прямо оцепенел, услышав из чужих уст ее имя.

– Вот как?

– В общем, это я... – быстро и тихо сказал Матиас Лунн-Хельгесен.

Харри хмыкнул, медленно кивнул.

– Больно мне очень.

– Понимаю. – Лицо Лунн-Хельгесена приняло серьезное и сочувственное выражение.

Харри закатал штанину.

– Вот здесь.

– Ах, вот вы о чем... – Матиас Лунн-Хельгесен улыбнулся в легком замешательстве. –

Что случилось?

– Собака укусила. Можете обработать?

– Ничего страшного нет. Кровотечение остановится. Я промою раны и наложу повязку с лекарством. – Он наклонился ближе. – Н-да, три раны от зубов. Сделаем укольник от столбняка.

– До кости прокусила.

– Обычное ощущение.

– Нет, я имею в виду, собака вправду... – Харри осекся и задышал носом. До него дошло, что Матиас Лунн-Хельгесен думает, будто он выпивши. Да в общем-то вполне обоснованно. Полицейский в порванном пальто, покусанный собакой, с подмоченной репутацией, и выпивкой от него разит за километр. Наверно, вот так он его изобразит, рассказывая Ракели, что ее бывший опять сорвался.

– ...Вправду здорово прокусила.

– *Trka!* – Он рывком сел в постели, слыша эхо собственного голоса меж пустых белых стен гостиничного номера. Телефон на ночном столике трезвонил вовсю. Он схватил трубку.

– *This is your wake-up call...* [1]

– *Hvala*, – поблагодарил он, хотя прекрасно знал, что голос записан на пленку.

Он в Загребе. И сегодня летит в Осло. Чтобы выполнить важнейший заказ. Последний.

Он закрыл глаза. Опять видел сон. Не про Париж и не про другие заказы, они ему никогда не снились. Снился всегда Вуковар, та осень, осада.

Сегодня ему снилось, как он бежал. Снова бежал под дождем, снова в тот вечер, когда отцу отняли руку. А четыре часа спустя отец умер, хотя врачи сказали, что операция прошла удачно. Сердце просто остановилось. И тогда он убежал от матери, убежал в темноту, под дождь, к реке, сжимая в руках отцовский пистолет, к позициям сербов, а они запустили осветительную ракету и стали стрелять по нему, но он не обращал внимания, только слышал хлюпанье, с каким пули врезались в склон, а склон вдруг исчез, и он упал в громадную бомбовую воронку. И вода поглотила его, поглотила все звуки, стало тихо, он пытался бежать под водой, но не двигался с места. Чувствуя, как руки-ноги цепенеют и наваливается сон, увидел в беспросветной черноте что-то красное – словно птица, взмахивающая крыльями в замедленном фильме. А когда очнулся, лежал закутанный в шерстяное одеяло, над головой раскачивалась голая лампочка, и от стрельбы сербской артиллерии в глаза и в рот сыпались крошки земли и шпукатурки. Он их выплюнул, и кто-то, наклонясь к нему, сказал, что из воронки с водой его вытащил сам капитан Бобо. И показал на лысого мужчину возле лестницы, ведущей из бункера наверх. Мужчина был в форме, с красной косынкой на шее.

Он снова открыл глаза, взглянул на термометр, который положил на ночной столик. С ноября температура в комнате не превышала шестнадцати градусов, хотя администрация гостиницы уверяла, что отопление работает на полную мощность. Он встал. Надо спешить, автобус в аэропорт будет у входа через полчаса.

Глядя в зеркало над умывальником, он попробовал представить себе лицо Бобо. Но оно, словно сполохи северного сияния, растаяло под его взглядом. Снова зазвонил телефон.

– *Da, majka* [2].

Он побрился, промокнул лицо и быстро оделся. Достал из сейфа одну из двух металлических коробок, открыл ее. «Льяма минимакс субкомпакт», семизарядный, шесть пуль в обойме, седьмая в стволе. Он разобрал оружие, распределил детали по четырем специальным кармашкам под угловыми креплениями чемодана. Если на таможне чемодан вздумают просвечивать, металл креплений скроет детали оружия. Перед уходом он проверил, на месте ли паспорт и конверт с полученным от нее билетом, фотографией объекта и сведениями о времени и месте. Все произойдет завтра вечером, в семь, в общедоступном месте. Она сказала, что это дело рискованнее предыдущего. Однако он не боялся. Временами думал, что потерял эту способность, что в тот вечер ее ампутировали вместе с отцовской рукой. А Бобо говорил, что, если не боишься, долго не проживешь.

Загреб за окном проснулся, бесснежный, туманно-серый, помятый. Он стоял у подъезда

и думал, что через несколько дней они поедут на Адриатику, в маленький городок, в маленькую недорогую гостиницу, на солнышко. И потолкуют насчет нового дома.

Автобусу пора бы уже подъехать. Он всмотрелся в туман. Как всматривался той осенью, съездившись подле Бобо и тщетно стараясь углядеть что-нибудь за белой завесой. В ту пору он бегал посыльным, носил депеши, потому что держать связь по радио они не могли: сербы прослушивали весь диапазон частот. А он, маленький, юркий, мог, даже не пригибаясь, пробежать между окопами. Но сказал Бобо, что хочет уничтожить танки.

Бобо покачал головой: «Ты – связной. Передаешь важные сообщения, сынок. Танками у меня занимаются другие».

«Но они боятся. А я нет».

Бобо вскинул бровь: «Мал ты еще».

«Оттого, что пули найдут меня здесь, я старше не стану. И ты сам говорил, что, если не остановить танки, они захватят город».

Бобо долго смотрел на него, потом наконец сказал: «Дай мне подумать». Они молча сидели, смотрели в белую пелену, не различая, что здесь осенний туман, а что – дым от развалин горящего города. «Ночью я послал Мирко и Франьо к проходу меж холмов, откуда идут танки, – кашлянув, обронил Бобо. – Они должны были спрятаться и прикрепить мины к проходящим мимо танкам. Знаешь, что произошло?»

Он кивнул. Видел в бинокль трупы Франьо и Мирко.

«Будь они меньше, наверно, сумели бы спрятаться в ложбинах на склоне», – сказал Бобо.

Мальчик утер рукой сопливый нос. «А как мины крепятся к танку?»

Наутро он чуть свет вернулся к своим, дрожащий от холода, весь в грязи. За спиной у него, на холме, стояли два подорванных сербских танка, из открытых люков валил дым. Бобо подхватил его, поставил на дно окопа и победоносно воскликнул: «У нас родился маленький спаситель!»

В тот же день, когда Бобо продиктовал депешу, которую по радио передадут в Ставку, в центр, он получил кодовое имя, и это имя останется за ним, пока сербы не займут и не превратят в руины его родной город, не убьют Бобо, не уничтожат врачей и пациентов больницы, не перехватывают и не замучают всех, кто оказывал сопротивление. Горький парадокс имени, какое дали ему те, кого он не сумел спасти. *Mali spasitelj*. Маленький Спаситель.

Красный автобус вынырнул из тумана.

Комната для совещаний в красной зоне на шестом этаже гудела от негромких разговоров и приглушенных смешков, когда Харри вошел и удовлетворенно констатировал, что рассчитал правильно. Первоначальная суэта, пироги, обмен дружескими колкостями и шуточками, к которым люди склонны, прощаясь с чем-то для себя важным, уже позади. Самое время вручать подарки и произносить несколько многословные и выпретенные речи, к каким люди опять же склонны на публике, а не с глазу на глаз.

Харри обвел взглядом собравшихся и обнаружил всего три по-настоящему дружелюбных лица – своего уходящего шефа Бьярне Мёллера, полицейского Халворсена и Беаты Лённ, молодой начальницы криминалистического отдела. Остальные на него не смотрели, как и он на них. Для него не секрет, что в убойном отделе его недолюбливают. Мёллер однажды сказал, что еще сильнее, чем ворчливых алкашей, народ не любит только больших ворчливых алкашей. Харри, ворчливый алкаш ростом метр девяносто три, был вдобавок блестящим

следователем, но это почти не улучшало ситуацию. Все знали, что, если бы не Бьярне Мёллер, Харри давно бы уволили из полиции. Теперь Мёллера не будет, и все опять-таки прекрасно понимали, что руководство только и ждет, чтобы он остутился. Как ни парадоксально, защитой Харри сейчас служило именно то, что навсегда сделало его аутсайдером: он прикончил одного из своих. Принца. Тома Волера, инспектора из убойного, который последние восемь лет был в Осло одним из закулисных главарей широкой контрабандной торговли оружием. Том Волер кончил свои дни в луже крови в подвале доходного дома на Кампене, и три недели спустя на короткой церемонии в столовой начальник уголовной полиции, стиснув зубы, отметил Харри поощрением за этот вклад в очистку собственных рядов. И Харри поблагодарил.

«Спасибо», – сказал он и посмотрел на собравшихся, только чтобы убедиться, что все отводят глаза. Вообще-то он хотел ограничиться одним этим словом, но глядящие в сторону лица и кривые усмешки внезапно вызвали злость, и он добавил: «Теперь, пожалуй, потруднее будет катить на меня бочку. Ведь пресса подумает, что нападки идут от страха, что я и кого другого выведу на чистую воду».

Тогда они наконец посмотрели на него. С недоверием. Тем не менее он продолжил: «Нет причин таращить глаза, парни. Том Волер был инспектором в убойном отделе и использовал служебное положение для противозаконной деятельности. Он называл себя Принцем, а как вам известно... – Тут Харри сделал паузу, обвел взглядом присутствующих, потом, глядя прямо на начальника уголовной полиции, договорил: – Где есть принц, там, как правило, есть и король».

– Ну что, старина. Задумался?

Харри поднял голову. Халворсен.

– О королях думаю, – пробормотал Харри, забирая чашку кофе, которую протягивал ему молодой коллега.

– Кстати, вон наш новый шеф, – сказал Халворсен.

У стола с подарками стоял мужчина в синем костюме, разговаривал с начальником уголовной полиции и с Бьярне Мёллером.

– Это и есть Гуннар Хаген? – Харри отхлебнул кофе. – Новый шеф?

– Ага. Комиссар Хаген. Такое у него звание.

– Да ну?

– Комиссар полиции. Четыре с лишним месяца назад звания изменили.

– Правда? Я, наверно, тогда болел. А ты по-прежнему просто полицейский?

Халворсен улыбнулся.

Новый комиссар выглядел энергичнее и моложе своих пятидесяти трех лет, указанных в информационном циркуляре. Высоким его не назовешь, скорее среднего роста, подумал Харри. И худой. Четко обозначенные мускулы вокруг рта и на шее говорили об аскетическом образе жизни. Рот прямой, решительный, подбородок выдвинут вперед – можно назвать его волевым или просто выступающим. Черные волосы венчиком обрамляли лысину, но были до того густыми, что напрашивалась мысль, уж не выбрал ли новый комиссар всего лишь несколько эксцентричную стрижку. Косматые мефистофельские брови, по крайней мере, свидетельствовали, что волосы у него растут превосходно.

– Прямиком из армии, – сказал Харри. – Возможно, введет у нас утреннюю поверку.

– Он вроде был хорошим полицейским, прежде чем сменил стезю.

– Ты имеешь в виду то, что он сам о себе написал в циркуляре?

– Отрадно слышать, что ты настроен позитивно, Харри.

– Я-то? Конечно. Всегда готов дать новичкам шанс. Без обмана.

– Один шанс. – К ним подошла Беата. Отбросила набок короткие светлые волосы. – Мне показалось, ты хромаешь, Харри?

– Вчера вечером на контейнерном складе нарвался на зубастого сторожевого пса.

– Что ты там делал?

Прежде чем ответить, Харри взглянул на Беату. Руководящая работа пошла ей на пользу. Как и криминалистическому отделу в целом. Беата всегда отличалась толковостью и профессионализмом, хотя он не усматривал явных задатков лидера в старательной, но застенчивой девушке, когда она по окончании академии пришла в отдел грабежей.

– Просто хотел взглянуть на контейнер, где нашли Пера Холмена. Скажи-ка мне, как он попал на склад?

– Клещами перекусил замок. Они лежали с ним рядом. А ты как туда попал?

– Что еще вы нашли, кроме клещей?

– Харри, нет ничего, что бы свидетельствовало...

– Я тоже этого не говорю. Но что еще?

– А ты как думаешь? Всякую мелочь, дозу героина, пластиковый пакет с табаком. Знаешь, они собирают табак из подобранных окурков. Ну и примерно крону денег, ясное дело.

– А «беретта»?

– Серийный номер спилен, но спилы знакомые. Оружие контрабандное, времен Принца. Харри заметил, что Беата избегает называть имя Тома Волера.

– Гм. Анализ крови уже готов?

– Угу. – Беата кивнула. – Парень был чист, во всяком случае не после дозы. То есть в полном рассудке, способный совершить самоубийство. Почему ты спрашиваешь?

– Мне выпало счастье сообщить эту новость родителям.

– О-о-ох! – хором выдохнули Лённ и Халворсен. Такое с ними случалось все чаще, хотя роман их длился всего полтора года.

Начальник уголовной полиции кашлянул, все обернулись к столу с подарками и замолчали.

– Бьярне просит слова, – сказал начальник, качнулся на каблуках и, выдержав паузу, добавил: – И мы его охотно предоставим.

Народ захихикал. Бьярне Мёллер осторожно улыбнулся начальнику:

– Благодарю, Турлейф. И спасибо тебе и начальнику полиции за прощальный подарок. И особое спасибо вам всем – за роскошную картину.

Он кивнул на стол с подарками.

– Это от всех? – шепнул Харри Беате.

– Да. Скарре и еще кто-то собирали деньги.

– А я и не слыхал.

– Наверно, они про тебя забыли.

– А теперь я сам вручу подарки, – сказал Мёллер. – Как говорится, из наследства. Во-первых, вот эту лупу. – Он поднес ее к лицу, и все засмеялись при виде оптически искаженных черт бывшего комиссара. – Ее получит девушка, которая стала таким же хорошим следователем и полицейским, как ее отец. Почестей за свою работу она не получает, но именно благодаря ей наш отдел действует быстро и оперативно. Как вам

известно, ее изучали специалисты, так как она редкий случай так называемой *fusiform gyrus*, а это значит, что она запоминает любое лицо, какое когда-либо видела.

Харри заметил, что Беата покраснела. Она не любила обращать на себя внимание, особенно этой своей редкой способностью, в силу которой ее постоянно привлекали к опознанию рецидивистов на скверных видеопленках с мест грабежей.

– Надеюсь, – продолжал Мёллер, – ты не забудешь это лицо, хоть и не увидишь его некоторое время. А если вдруг усомнишься, можешь воспользоваться вот этой штукой.

Халворсен легонько подтолкнул Беату в спину. А когда Мёллер, вручив лупу, еще и обнял ее, грянули аплодисменты, и у Беаты даже лоб залился краской.

– Далее, мое рабочее кресло. Ведь насколько я понял, мой преемник Гуннар Хаген затребовал новое, из черной кожи, с высокой спинкой и всем прочим. – Мёллер улыбнулся Гуннару Хагену, но тот в ответ лишь кивнул, без улыбки. – Кресло переходит к полицейскому из Стейнхьера, которого посадили в один кабинет с нашим самым главным скандалистом. На сломанный стул. Думаю, Младший, это тебе кстати.

– Ура! – сказал Халворсен.

Все засмеялись, повернулись к нему, Халворсен тоже засмеялся.

– И наконец, в помощь тому, к кому у меня совершенно особенное отношение. Моему лучшему следователю и самому страшному кошмару. Человеку, который всегда руководствуется собственным чутьем, собственным планом и – к сожалению для нас, пытающихся собрать вас утром на совещание в точно определенное время, – собственными часами. – Мёллер вынул из кармана наручные часы. – Надеюсь, они помогут тебе жить в том же времени, что и все остальные. По крайней мере, синхронно со всем отделом. И, Харри, многое тут заключено между строк.

Жидкие аплодисменты. Харри вышел вперед, принял подарок – часы незнакомой марки на простеньком черном кожаном ремешке.

– Спасибо, – сказал он.

Они обнялись.

– Я поставил их на две минуты вперед, чтобы ты не опаздывал, – шепнул Мёллер. – Больше никаких увещаний, поступай, как считаешь нужным.

– Спасибо, – повторил Харри. Ему показалось, что Мёллер обнимал его слишком крепко и долго. Он напомнил себе выложить на стол собственный подарок, прихваченный из дома. К счастью, он не вскрыл пластиковую обертку с диском «Все о Еве».

Юн отыскал Роберта на Хиркевейен, на заднем дворе «Фретекса».

Прислонясь к дверному косяку и скрестив руки на груди, Роберт наблюдал за грузчиками, которые таскали из машины на склад черные пластиковые мешки. Грузчики выпускали изо рта белые облака пара и брань на разных языках и диалектах.

– Хороший улов? – спросил Юн.

Роберт пожал плечами:

– Народ рад расстаться со всем летним гардеробом, чтобы на будущий год закупить новый. А нам-то сейчас нужны зимние вещи.

– Парни у тебя сущие варвары на язык. Что, параграф двенадцатый?

– Я вчера прикинул. Тех, кто отбывает тут наказание, вдвое больше, чем таких, что приняли Иисуса.

Юн улыбнулся:

– Целина для миссионера. Надо бы ее поднять.

Роберт окликнул одного из грузчиков, который поднес ему пачку сигарет. Роберт сунул в зубы гвоздик без фильтра.

– Вынь сигарету, – сказал Юн. – Солдатский обет. Нагоняй ведь заработаешь.

– А я закуривать не собирался, братишка. Ты чего пришел-то?

Юн пожал плечами:

– Да так, поболтать.

– О чем?

Юн коротко хохотнул:

– По-моему, обычное дело для братьев иной раз поговорить.

Роберт кивнул, выплюнул табачную крошку.

– Твое «поговорить», как правило, сводится к наставлениям о том, как мне жить.

– Да ладно тебе.

– А что же тогда?

– Ничего! Просто узнать хотел, как твои дела.

Роберт вынул сигарету изо рта, сплюнул в снег.

Потом поднял голову, прищурясь взглянул на облачную пелену, белую и высокую.

– Мне до чертиков надоела эта работа. До чертиков надоела квартира. До чертиков надоела эта сухарь и ханжа, капрал, которая тут заправляет. Не будь она такая противная, я бы... – Роберт ехидно ухмыльнулся, – трахнул эту каргу в наказание.

– Холодно, – сказал Юн. – Может, зайдём внутрь?

Роберт провел брата в крохотную контору, сел в жесткое кресло, кое-как поместившееся между заваленным бумагами столом, узеньким окошком с видом на задний двор и красно-желтым флагом с эмблемой Армии спасения и девизом «Огонь и кровь». Юн снял со стула кипу бумаг, частью пожелтевших от старости; стул этот, как он знал, Роберт умыкнул в студенческой корпорации «Майорстюа», расположенной за стеной.

– Она говорит, ты прогуливаешь, – заметил Юн.

– Кто?

– Капрал Руэ. – Юн кисло усмехнулся. – Карга.

– Господи, она, стало быть, звонила тебе, да? – Роберт поковырял складным ножом стол, потом воскликнул: – Ой, я же совсем забыл, ты ведь у нас новый управляющий, шеф всей лавочки!

– Пока никого не выбрали. С тем же успехом могут назначить Рикарда.

– *Whatever*^[3]. — Роберт прокорябал на столе два полукружья, изобразив подобие сердечка. – Все, что хотел, ты сказал. Но, прежде чем уйдешь, может, заплатишь мне пять сотен за послезавтрашнее дежурство?

Юн достал бумажник, отсчитал деньги, положил перед братом на стол. Роберт провел ножом по подбородку. Черная щетина зашуршала.

– И еще хочу напомнить тебе одну вещь.

Юн сглотнул, зная, что сейчас последует.

– Какую же?

В окне за спиной Роберта он видел, что пошел снег, но в тепле, поднимающемся от строений вокруг заднего двора, легкие белые снежинки как бы замерли в воздухе, словно прислушиваясь.

Роберт воткнул острие ножа в центр сердечка.

– Если я замечу, что ты крутишься поблизости от той девчонки... – Он обхватил ладонью рукоять, наклонился вперед. Под его тяжестью лезвие с треском вошло в глубь сухой древесины. – Я тебя уничтожу, Юн. Клянусь.

– Не помешаю? – слышалось от двери.

– Нет, конечно, госпожа Руэ, – приторным голосом сказал Роберт. – Брат как раз собирается уходить.

Начальник уголовной полиции и новый комиссар полиции Гуннар Хаген умолкли, когда Бьярне Мёллер вошел в свой кабинет. То есть уже не свой.

– Ну, как тебе вид? – спросил Мёллер, надеясь, что произнес эту фразу бодрым тоном. И добавил: – Гуннар. – Странное ощущение – выговаривать это имя.

– Н-да, в декабре Осло всегда выглядит уныло, – сказал Гуннар Хаген. – Посмотрим, может, и это поправимо.

Мёллер хотел спросить, что еще он имеет в виду, но осекся, увидев, что начальник уголовной полиции согласно кивнул.

– Я как раз сообщил Гуннару кой-какие подробности насчет наших сотрудников. Конфиденциально, так сказать между нами.

– Да, вы ведь давно знаете друг друга.

– Конечно, – сказал начальник. – Мы с Гуннаром знакомы еще по Полицейской школе.

– В резюме написано, ты каждый год участвуешь в Гонке биркебейнеров^[4], – сказал Мёллер Гуннару Хагену – А известно тебе, что начальник наш тоже всегда участвует?

– Разумеется. – Хаген с улыбкой покосился на начальника уголовной полиции. – Иной раз мы вместе участвуем. И пытаемся одолеть друг друга на финишном рывке.

– Вон как, – весело заметил Мёллер. – Выходит, если б шеф заседал в кадровой комиссии, можно было бы заподозрить, что ты попал сюда по знакомству.

Начальник уголовной полиции сухо хохотнул, бросив на Бьярне Мёллера предостерегающий взгляд.

– Я как раз говорил Гуннару о человеке, которому ты сделал весьма щедрый подарок.

– О Харри Холе?

– Да, – кивнул Гуннар Хаген. – Помнится, он отправил на тот свет некоего полицейского инспектора в связи с неприятным делом о контрабанде. Как я слышал, в лифте оторвал ему руку. А кроме того, позднее подозревали, что именно через него информация об этом деле просочилась в прессу. Нехорошо.

– Во-первых, в «неприятном деле о контрабанде» речь идет о профессиональной преступной организации, которая пустила корни и в полиции и не один год заваливала Осло дешевым стрелковым оружием, – сказал Бьярне Мёллер, тщетно стараясь скрыть раздражение. – И вопреки сопротивлению здесь, в управлении, Харри Холу в одиночку раскрыл это дело после нескольких лет кропотливой полицейской работы. Во-вторых, он убил Волера, защищая свою жизнь, а руку Волеру оторвало лифтом. И в-третьих, мы вообще понятия не имеем, кто и о чем проболтался прессе.

Гуннар Хаген и начальник уголовной полиции переглянулись.

– Тем не менее, – сказал начальник, – держи с ним ухо остро, Гуннар. Насколько я знаю, недавно от него ушла подруга. А нам известно, что у людей вроде Харри такие истории нередко приводят к рецидивам скверных привычек. С этим мы, понятно, мириться не станем, хоть он и раскрыл множество серьезных дел.

– Что ж, постараюсь держать его в узде, – сказал Хаген.

– Он инспектор. – Мёллер зажмурил глаза. – Не рядовой. И в узде ходить не любит.

Гуннар Хаген медленно кивнул, приглаживая рукой густой венчик волос на затылке.

– Ты когда приступаешь в Бергене... Бьярне? – Хаген опустил руку.

Мёллер мог бы поручиться, что и ему тоже было странно произносить его имя.

Харри шагал по Уртегата и по обуви встречных прохожих видел, что приближается к «Маяку». Ребята из отдела наркотиков не зря говорили, что армейские склады обмундирования вносят огромный вклад в опознание наркоманов. Потому что через Армию спасения военная обувь рано или поздно попадает на ноги наркомана. Летом – голубые кроссовки, зимой – высокие черные башмаки, которые вкупе с зеленым пластиковым пакетом с пайком Армии спасения служили униформой уличных наркоманов.

Харри толкнул дверь и кивнул охраннику Армии, одетому в свитер с капюшоном.

– Ничего нет? – спросил охранник.

Харри хлопнул себя по карманам.

– Ничего.

Табличка на стене предупреждала, что алкоголь надо оставить у дверей, а перед уходом можно забрать. Харри знал, они не требовали сдавать наркоту, ведь никто из наркоманов с этим добром никогда не расстанется.

Харри вошел, налил себе чашку кофе и сел на лавку у стены. «Маяк» – кафе Армии спасения, современный вариант пункта питания, где все нуждающиеся бесплатно получали бутерброды и кофе. Светлое, уютное помещение, отличающееся от обычных кофеен только клиентурой. Девяносто процентов – наркоманы-мужчины, остальные – женщины. Посетители ели хлеб с коричневым и белым сыром, читали газеты, вели спокойные разговоры. Здесь была зона отдыха, возможность отогреться и перевести дух, на время прервав поиски дневной дозы. Полицейские агенты время от времени наведывались сюда, но по негласному уговору аресты в кафе никогда не производились.

Человек за столиком поблизости от Харри замер, свесив голову к столу, черные пальцы сжимали папиросную бумагу, рядом валялись пустые окурки.

Харри смотрел на спину миниатюрной женщины в форме. Она стояла возле столика с четырьмя фотографиями в рамках, меняла сгоревшие стеариновые свечи. В трех рамках – снимки каких-то людей, в четвертой – крест и имя на белом фоне. Харри встал, подошел к женщине.

– Что это? – спросил он.

То ли стройная шейка и мягкость движений, то ли гладкие, черные как ночь, прямо-таки неестественно блестящие волосы навели Харри на мысль о кошке, еще прежде чем девушка обернулась. Когда же он увидел личико с непропорционально широким ртом и маленьким, точь-в-точь как в японских комиксах, носиком, это впечатление еще усилилось. Но в первую очередь глаза. Он не мог сказать, в чем именно тут дело, однако в них явно сквозила сумасшедшинка.

– Ноябрь, – сказала девушка.

Голос был спокойный, глубокий, мягкий, и Харри невольно подумал, таков ли он от природы или она просто усвоила эту манеру говорить. Он знал женщин, которые меняли голос, как другие меняют наряды. Один голос для дома, другой – для первого впечатления и общественных поводов, третий – для ночи и близости.

– В каком смысле? – опять спросил он.

– Те, что умерли в ноябре.

Харри взглянул на снимки и наконец сообразил что к чему.

– Четверо? – тихо сказал он. Перед одной из фотографий лежала записка, корявые карандашные буквы.

– В среднем умирает один клиент в неделю. Четверо – вполне нормально. Поминование в первую среду каждого месяца. У тебя кто-то...

Харри помотал головой. «Мой любимый Одд...» – так начиналась записка. Никаких цветов.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросила девушка.

Наверно, у нее в репертуаре все ж таки один этот голос, глубокий, приятный, подумал Харри.

– Пер Холмен... – начал он и осекся, не зная, что сказать дальше.

– Н-да, бедняга Пер. Поминование будет в январе.

Харри кивнул:

– В первую среду.

– Точно. Приходите, брат, мы будем рады.

Слово «брат» слетело с ее губ легко и естественно, словно нечто само собой разумеющееся, этакий полумеханический придаток. И Харри чуть было ей не поверил.

– Я полицейский дознаватель, – сказал он.

Разница в росте была так велика, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Кажется, я уже видела вас, правда, давно.

Харри кивнул:

– Возможно. Я сюда заходил, но вас не видел.

– Я здесь только полдня. В остальное время сижу в штаб-квартире Армии спасения. А вы работаете в отделе наркотиков?

Харри покачал головой:

– Нет, в убойном.

– В убойном? Но ведь Пера не...

– Может, присядем?

Она нерешительно огляделась.

– Работы много? – спросил Харри.

– Наоборот, против обыкновения спокойно. Обычно мы отпускаем до тысячи восьмисот бутербродов в день. Но сегодня выплачивают пособие.

Девушка окликнула одного из парней за стойкой, тот ответил, что в случае чего подменит ее. Заодно Харри узнал и ее имя: Мартина. У человека с папиросной бумагой голова свесилась еще ниже.

– Есть кой-какие неясности, – пояснил Харри, когда они сели. – Что он был за человек?

– Трудно сказать. – Она вздохнула, глядя на вопросительную мину Харри. – У наркоманов с таким многолетним стажем, как у Пера, мозг уже настолько разрушен, что личности вообще говорить сложно. Тяга к наркотикам затмевает все.

– Понимаю, но я имею в виду... для людей, которые хорошо знали его...

– Увы. Спросите у его отца, во что превратился его сын как личность. Он много раз приходил сюда, забирал Пера. Но в конце концов отступился. Пер начал вести себя дома крайне агрессивно, потому что они запирали от него все ценности. Он просил меня присматривать за парнем. Я сказала, мы сделаем все, что в наших силах, но чудес обещать не можем. Так оно и вышло...

Харри посмотрел на девушку. На ее лице отразилось обычное для социальных работников печальное смирение.

– Суший ад... – Харри почесал лодыжку.

– Наверно, надо самому быть наркоманом, чтобы понять это до конца.

– Я имею в виду жизнь его родителей.

Мартина промолчала. К соседнему столику подошел парень в драной куртке-дутике. Открыл прозрачный пластиковый пакет и вытряхнул из него кучку сухого табаку, видимо извлеченного из сотен окурков. Табак засыпал и папиросную бумагу, и черные пальцы сидевшей там неподвижной фигуры.

– Счастливого Рождества, – буркнул парень и побрел прочь старческой походкой наркомана.

– Какие же у вас неясности? – спросила Мартина.

– Анализ крови показал, что он не был под кайфом.

– Ну и что?

Харри смотрел на соседний столик. Сидящий там человек отчаянно пытался свернуть сигарету, но пальцы не слушались. По бурой щеке скатилась слеза.

– Я знаю, что такое быть под кайфом, – сказал Харри. – Вы не слышали, денег он никому не задолжал?

– Нет, – коротко и решительно ответила девушка. Так коротко и решительно, что Харри догадался, каков будет ответ на следующий вопрос.

– Но вы, наверно, могли бы...

– Нет, – перебила она. – Не могу я выпытывать. До этих людей никому нет дела, и я здесь затем, чтобы им помогать, а не преследовать.

Харри долго смотрел на нее.

– Вы правы. Извините, что спросил, больше не повторится.

– Спасибо.

– Только еще один, последний, вопрос.

– Ладно.

– Вы... – Харри помедлил, в голове мелькнуло: зря я, это ошибка. – Вы поверите, если я скажу, что мне есть до них дело?

– А стоит?

– Ну, я расследую обстоятельства смерти человека, которого все считают явным самоубийцей и до которого никому нет дела.

Она молчала.

– Вкусный кофе. – Харри поднялся.

– На здоровье. Бог вас благослови.

– Спасибо, – сказал Харри и, к своему удивлению, почувствовал, что у него горят уши.

По дороге к выходу Харри задержался возле охранника, оглянулся, но ее уже не было. Охранник в свитере с капюшоном предложил ему зеленый пакет с пайком Армии спасения, но он поблагодарил и отказался. Поплотнее запахнул пальто, вышел на улицу, где алое закатное солнце уже погружалось в воды Осло-фьорда, и зашагал к Акеру. Возле «Эйки» прямо в сугробе стоял парень в драной куртке-дутике, один рукав он закатал, из вены в предплечье торчал шприц. Он улыбался, глядя сквозь Харри и морозную дымку над Грэнланном.

Пернилла Холмен казалась еще меньше, сидя в кресле на Фреденсборгвейен и большими заплаканными глазами глядя на Харри. На коленях у нее лежала рамка с фотографией сына.

– Здесь ему девять лет, – сказала она.

Харри невольно сглотнул комок в горле. Отчасти потому, что при взгляде на улыбающегося ребенка в спасательном жилете никому в голову не придет, что он кончит свои дни в контейнере, с пулей в виске. А отчасти потому, что снимок напомнил ему об Олеге, который иной раз забывался и звал его папой. Много ли времени ему понадобится, чтобы звать папой Матиаса Лунн-Хельгесена?

– Биргер, мой муж, обычно ходил искать Пера, когда тот пропадал по нескольку дней, – продолжала Пернилла Холмен. – Хотя я просила его прекратить поиски, не могла больше выдержать присутствие Пера.

– Почему? – быстро спросил Харри. Остальное подождет.

Биргер Холмен уехал в похоронное бюро, сообщила она, когда Харри без предупреждения позвонил в дверь.

Она всхлипнула:

– Вам когда-нибудь случалось находиться в одной квартире с наркоманом?

Харри не ответил.

– Он крал все, что попадалось под руку. Мы молчали. То есть Биргер молчал, из нас двоих он самый любящий родитель. – Она скривила дрожащие губы, стараясь изобразить улыбку. – Он всегда и во всем защищал Пера. Вплоть до того дня нынешней осенью, когда Пер стал мне угрожать.

– Угрожать?

– Да. Чуть не убил меня. – Пернилла Холмен смотрела на снимок и терла стекло, словно оно запачкалось. – Утром Пер позвонил в дверь, я не хотела впускать его, потому что была дома одна. Он плакал и умолял, но я уже знала эти его игры и не открыла. Ушла на кухню, села там. Понятия не имею, как Пер сумел войти, но неожиданно он очутился передо мной, с пистолетом в руке.

– С тем же, который...

– Да. Думаю, с тем же.

– Продолжайте.

– Он велел мне отпереть шкаф, где лежали мои драгоценности. В смысле, то небольшое, что оставалось, большую часть он к тому времени уже унес. Потом он ушел.

– А вы?

– Я? У меня нервы не выдержали. Вернулся Биргер, отвез меня в больницу. – Она опять всхлипнула. – Там даже таблетки мне давать отказались. Мол, и так уже достаточно.

– Что за таблетки?

– А вы как думаете? Транквилизаторы. Достаточно! Если из-за сына каждую ночь лежишь без сна, боишься, что он вернется... – Она не договорила, прижала руку к губам. На

глазах выступили слезы. Потом прошептала, так тихо, что Харри едва расслышал: – Иной раз жить не хочется...

Харри бросил взгляд на свой блокнот – он не записал ни слова, но поблагодарил:

– Спасибо.

– *One night, is that correct, Sir?*^[5]

Девушка-администратор за стойкой гостиницы «Скандия», что возле ословского Центрального вокзала, задала вопрос, не поднимая глаз от заказа на экране компьютера.

– *Yes*, – ответил мужчина.

Она отметила, что на нем бежевое пальто. Верблюжья шерсть. Или имитация.

Длинные красные ногти, точно перепуганные тараканы, пробежали по клавиатуре. Имитация верблюжьей шерсти, в зимней Норвегии. Почему бы и нет? Она видела на фото верблюдов в Афганистане, а ее друг и в письмах писал, и говорил, что морозы там не слабее здешних.

– *Will you pay by VISA or cash, Sir?*^[6]

– *Cash*.

Она выложила на стойку регистрационный бланк и ручку, попросила паспорт.

– *No need*, – сказал он. – *I will pay now*^[7].

По-английски он говорил почти как британец, хотя кое-что в выговоре согласных наводило на мысль о Восточной Европе.

– Тем не менее попрошу ваш паспорт, сэ. Международные правила.

Он согласно кивнул, протягивая ей тысячную купюру и паспорт. *Republika Hrvatska*. Наверняка одно из новых государств на Востоке. Администратор отсчитала сдачу, положила тысячу в кассу, напомнив себе проверить купюру на просвет, когда постоялец уйдет. Она старалась придерживаться определенного стиля, хотя и работала пока в гостинице средней руки. Вдобавок этот человек не похож на мошенника, скорее уж выглядит как... как кто? Она вручила ему пластиковую карточку-ключ, назвала этаж, показала, где лифт, сообщила, когда можно позавтракать и когда надо освободить номер.

– *Will there be anything else, Sir?*^[8] – прошептала она, прекрасно зная, что ее английский и манеры слишком хороши для этой гостиницы. И вскоре она перейдет в отель получше. А если не удастся, поубавит услужливости.

Он кашлянул и спросил, где тут ближайшая *phone booth*.

Она объяснила, что позвонить можно прямо из номера, но он покачал головой.

Администратор задумалась. Мобильная связь практически ликвидировала большинство телефонов-автоматов в Осло, однако неподалеку, на Йернбанеторг, таксофон точно сохранился. Действительно рукой подать, тем не менее она достала маленькую карту, нарисовала маршрут, объяснила. Точь-в-точь как это делается в «Рэдиссоне» и в других отелях высокого класса. Подняв голову и взглянув на него – понял ли? – она вдруг на мгновение смешалась, непонятно отчего.

– Пробьемся, Халворсен!

Выкрикнув обычное утреннее приветствие, Харри влетел в их общий кабинет.

– Два сообщения, – сказал Халворсен. – Тебя вызывает новый комиссар. А еще тебе звонила какая-то женщина. С весьма приятным голосом.

– Да? – Харри бросил пальто в сторону вешалки. Оно упало на пол.

– Господи, – вырвалось у Халворсена. – Неужто справился наконец?

– О чем ты?

– Ты опять бросаешь одежду на вешалку. И твердишь насчет «пробьемся». А ведь не делал этого с тех пор, как Ракель... – Халворсен осекся, заметив на лице Харри предостережение.

– Чего хотела женщина?

– Дать тебе информацию. Ее зовут... – Халворсен покопался в желтых листочках на столе. – Мартина Экхофф.

– Не знаю такой.

– Из «Маяка».

– А-а!

– Она сказала, что навела справки. Никто не слышал, чтобы Пер Холмен кому-либо задолжал деньги.

– Вот как? Хм. Пожалуй, надо позвонить ей, проверить, не выяснилось ли что-нибудь еще.

– Я тоже об этом подумал, спросил телефон, но она сказала, что добавить ей больше нечего.

– Ну что ж. Ладно. Замечательно.

– Да? А чего это ты так разволновался?

Харри нагнулся, поднял пальто, однако на вешалку не повесил, снова надел.

– А как же комиссар...

– Подождет.

Ворота контейнерного склада были открыты, но табличка на заборе однозначно предупреждала, что въезд воспрещен и что автостоянка находится за пределами складской территории. Харри почесал укушенную лодыжку, взглянул на длинное открытое пространство между контейнерами и зарулил в ворота. Контора смотрителя располагалась в низкой постройке казарменного вида, которую за последние три десятка лет регулярно достраивали. И это было недалеко от истины. Оставив машину у входа, Харри быстрыми шагами одолел последние метры.

Пока он объяснял причину своего прихода и рассказывал о вчерашнем вечернем происшествии, смотритель сидел молча, откинувшись на спинку кресла, заложив руки за голову, и жевал спичку.

Спичка – единственное, что двигалось на лице охранника, но Харри показалось, будто по его губам скользнула улыбка, когда он услышал о поединке с собакой.

– Черный метцнер, – сказал охранник. – Родич родезийского риджбека. В Норвегии только у меня. Превосходная сторожевая собака. К тому же молчаливая.

– Это я заметил.

Спичка весело подпрыгнула.

– Метцнер – охотник, он подкрадывается к добыче. Чтобы не спугнуть.

– Вы имеете в виду, она собиралась... съесть меня?

– Ну, так уж прямо и съесть. – Охранник не стал вдаваться в подробности, без всякого выражения смотрел на Харри, обхватив затылок сплетенными ладонями, и Харри подумал, что либо руки у него очень большие, либо голова маленькая.

– Значит, в то время, когда, по нашим предположениям, застрелили Пера Холмена, вы

ничего не видели и не слышали?

– Застрелили?

– Когда он застрелился. Ничего не видели и не слышали?

– Зимой охрана сидит в помещении. А метцнер, как я уже говорил, собака молчаливая.

– Удобно ли это? Ну, что собака не поднимает тревогу?

Охранник пожал плечами:

– Она делает свое дело. А мы сидим себе в тепле.

– Но собака не обнаружила Пера Холмена, когда он пробрался на склад.

– Территория-то большая.

– А позднее?

– Вы имеете в виду труп? Ну, тело ведь замерзло в камень. Да и мертвецы метцнера не привлекают, он хватает живую добычу.

Харри вздрогнул.

– В полицейском отчете написано, что, по вашим словам, Пера Холмена вы здесь никогда раньше не видели.

– Так и есть.

– Я заходил к его матери и взял у нее семейную фотографию. – Харри положил снимок на стол перед охранником. – Взгляните внимательно и скажите мне, вполне ли вы уверены, что никогда раньше не видели вот этого человека.

Охранник опустил взгляд. Перегнал спичку в уголок рта, хотел ответить, но вдруг замер. Вынул руки из-под головы, взял снимок. Долго вглядывался.

– Н-да, ошибочка вышла. Видел я его. Он был тут летом. Трудно признать... того, что лежал в контейнере.

– Вполне вас понимаю.

Несколько минут спустя, собираясь уходить, Харри сперва приоткрыл дверь и выглянул наружу. Охранник засмеялся:

– Днем собака сидит под замком. К тому же зубы у метцнера узкие, рана быстро заживает. Сперва-то я подумывал купить кентуккского терьера. У того клыки как пила. В куски рвут. Повезло вам, инспектор.

– Ладно, – сказал Харри. – Приготовьтесь, скоро сюда придет наша сотрудница, и вашему полкану придется покусать кое-что другое.

– Ну и что? – спросил Халворсен, осторожно объезжая снегоочиститель.

– Псу дадут куснуть такую мягкую штуку, вроде глины, – сказал Харри. – Потом Беата и ее сотрудники поместят отпечаток в гипс, он застынет, и получится модель собачьей челюсти.

– Вон как... И этого будет достаточно для доказательства, что Пера Холмена убили?

– Нет.

– По-моему, ты говорил...

– Я говорил, что именно это мне нужно, чтобы доказать убийство. *The missing link*^[9] в цепочке доказательств.

– Та-ак. И каковы же остальные звенья?

– Обычные. Мотив, орудие убийства и повод. Здесь сверни направо.

– Не понимаю. Ты сказал, подозрение основано на том, что Пер Холмен использовал клещи, чтобы проникнуть на склад?

– Я сказал, что меня это удивило. Точнее говоря: законченный героинщик вынужден

искать приюта в контейнере, но одновременно мыслит настолько четко и ясно, что заранее запасается клещами для взлома ворот. Вот я и решил вникнуть поглубже. Паркуйся здесь.

– Не понимаю, как ты можешь утверждать, будто знаешь, кто виновен?

– Сам подумай, Халворсен. Это несложно, ведь все факты тебе известны.

– Терпеть не могу эти твои штучки.

– Я просто хочу, чтобы ты стал хорошим полицейским.

Халворсен покосился на старшего коллегу – не насмехается ли? Оба вышли из машины.

– Запирать не будешь? – спросил Харри.

– Замок ночью замерз. И утром я сломал ключ. Ты давно знаешь, кто виновный?

– Некоторое время.

Они пересекли улицу.

– Знать кто – самое простое. Подозреваемый очевиден. Муж. Лучший друг. Малый с послужным списком. Но ни в коем случае не дворецкий. Проблема не в этом, проблема в другом – доказать то, что чутьем знаешь давным-давно. – Харри нажал кнопку домофона рядом с фамилией «Холмен». – Вот чем мы сейчас займемся. Добудем кусочек мозаики, который превратит на первый взгляд разрозненную информацию в прочную цепь доказательств.

Из динамика послышалось «да».

– Харри Холле из полиции. Можно нам?..

Замок зажужжал.

– И действовать надо быстро, – продолжил Харри. – Большинство убийств либо раскрываются в первые двадцать четыре часа, либо не раскрываются вообще.

– Спасибо, это я уже слышал, – сказал Халворсен.

Биргер Холмен ждал их на лестничной площадке.

– Заходите, – сказал он и первым прошел в гостиную.

У двери на лоджию стояла елка, пока ненаряженная.

– Жена отдыхает, – сообщил Биргер Холмен, предупреждая вопрос Харри.

– Мы тихо, – сказал Харри.

Биргер Холмен печально улыбнулся:

– Да она не проснется.

Халворсен быстро взглянул на Харри. Тот хмыкнул.

– Наверно, приняла успокоительное?

Биргер Холмен кивнул:

– Завтра похороны.

– Да, тяжелое испытание. Ну что ж, спасибо за фото. – Харри положил на стол снимок: Пер Холмен сидит, родители стоят по бокам. Защищают. Или, если посмотреть иначе, держат под конвоем. В комнате повисла тишина. Биргер Холмен почесал предплечье под рукавом рубашки. Халворсен наклонился в кресле вперед, потом откинулся назад.

– Вы много знаете о наркозависимости, Холмен? – спросил Харри, не глядя на него.

Биргер Холмен наморщил лоб.

– Моя жена всего-навсего приняла снотворное. Это не означает, что...

– Я говорю не о вашей жене. Возможно, ее вы сумеете спасти. Я о вашем сыне.

– Ну, кое-что знаю, конечно. Он сидел на героине. И это была его беда. – Он хотел сказать что-то еще, но раздумал. Не сводил глаз с фотографии на столе. – Наша общая беда.

– Не сомневаюсь. Но если бы вы хорошо знали, что такое наркозависимость, то вам

наверняка было бы известно, что она подавляет все остальное.

Голос Биргера Холмена вмиг задрожал от возмущения:

– Вы полагаете, инспектор, что мне это неизвестно? Полагаете... что моей жене... он... – Слезы душили его. – Родной матери...

– Я знаю, – тихо сказал Харри. – Но наркотик важнее матери, важнее отца. Важнее жизни. – Харри вздохнул. – И важнее смерти.

– У меня нет сил, инспектор. Куда вы клоните?

– Анализ крови показывает, что ваш сын умер не после дозы. То есть он был в плохом состоянии. А когда героинщику плохо, потребность в «спасительной» дозе настолько сильна, что он может угрожать пистолетом родной матери, лишь бы добыть наркотик. Именно наркотик, не пулю в висок, а иглу в предплечье, в шею, в пах или в другое место, где есть чистая вена. Вашего сына нашли со шприцем и пакетиком героина в кармане, Холмен. Он не мог застрелиться. Потому что главным для него был наркотик. Превыше всего... в том числе превыше...

– ...смерти. – Биргер Холмен сидел обхватив голову руками, но голос звучал совершенно отчетливо: – Значит, вы считаете, моего сына убили. Почему?

– Надеюсь, вы нам объясните.

Биргер Холмен не ответил.

– Потому что он угрожал ей? – спросил Харри. – Потому что надо обеспечить жене покой?

Холмен поднял голову.

– О чем вы?

– Уверен, вы слонялись вокруг Платы, ждали. А когда он появился и купил дозу, пошли за ним. На контейнерный склад. Ведь он ходил туда, когда не имел другого пристанища.

– Я ничего об этом не знаю! Это неслыханно, я...

– Да знали вы, знали. Я показывал фото охраннику, и он опознал человека, о котором я его спросил.

– Пера?

– Нет, вас. Вы были там летом, спрашивали, можно ли поискать сына в пустых контейнерах.

Холмен смотрел на Харри, а тот продолжал:

– Вы неплохо все спланировали. Клещи, чтобы пройти на территорию, пустой контейнер – вполне подходящее место для наркомана, чтобы свести счеты с жизнью, причем никто не увидит и не услышит вашего выстрела. Из пистолета, который, как может засвидетельствовать мать Пера, находился у него.

Халворсен пристально смотрел на Биргера Холмена, держался наготове, но тот даже не пытался что-либо предпринять. Только шумно дышал носом и, глядя в пространство, чесывал предплечье.

– Вы ничего не докажете, – сказал Холмен, словно бы с сожалением.

Харри развел руками. В наступившей тишине с улицы донесся веселый звон бубенчиков.

– Что, чешется? Терпежу нет? – спросил Харри.

Холмен мгновенно отдернул руку.

– Можно взглянуть, что у вас так чешется?

– Не стоит. Пустяки.

– Можно посмотреть здесь, а можно и в участке. Выбирайте, Холмен.

Бубенчики трезвонили все громче. Сани? Здесь, в центре города? Халворсена не оставляло ощущение, что вот-вот грянет взрыв.

– Ладно, – прошептал Холмен, расстегнул манжету и закатал рукав.

На белом волосатом предплечье виднелись две подсохшие ранки. Кожа вокруг была ярко-красная.

– Поверните руку, – скомандовал Харри.

Точно такая же ранка, но одна, была и на внутренней стороне предплечья.

– Жутко чешутся, собачьи-то укусы, верно? – сказал Харри. – Особенно дней через десять– четырнадцать, когда начинают зарастать. Так мне сказал врач из травмопункта и предупредил, чтобы я не расчесывал болячки. Вам бы тоже не стоило чесать, Холмен.

Холмен пустым взглядом смотрел на свою руку.

– В самом деле?

– Три ранки от зубов. С помощью макета челюстей мы докажем, что вас, Холмен, укусила вполне определенная собака на контейнерном складе. Надеюсь, вы легко сумели отбиться.

Холмен покачал головой:

– Я не хотел... я хотел только избавить ее.

Бубенцы на улице разом умолкли.

– Вы признаете свою вину? – спросил Харри, делая знак Халворсену, который тотчас полез во внутренний карман, однако ни ручки, ни бумаги там не нашел. Харри закатил глаза и положил на стол собственный блокнот.

– Он говорил, что вконец измучился. Что ему невмоготу. Что он вправду хочет с этим покончить. Я нашел ему место в Приюте. Койку и трехразовое питание за тысячу двести крон в месяц. И его обещали включить в метадоновый проект, всего через месяц-другой. Потом он опять исчез, а когда я позвонил в Приют, мне сказали, что он скрылся, не заплатив за жилье, а потом... потом он появился сюда. С пистолетом.

– И тогда вы решились?

– С ним все было кончено. Я потерял сына. И не мог допустить, чтобы он забрал с собой и ее.

– Как вы его отыскали?

– Не на Плате. Я нашел его возле «Эйки», сказал, что хочу купить у него пистолет. Оружие было при нем, он показал мне его, хотел сразу же получить деньги. Но я сказал, что у меня нет с собой денег, мы, мол, встретимся у задних ворот контейнерного склада на следующий вечер. Знаете, вообще-то я рад, что вы... что я...

– Сколько? – спросил Харри.

– Простите?

– Сколько вы собирались заплатить?

– Пятнадцать тысяч крон.

– И...

– Он пришел. Оказалось, патронов у него нет, вообще не было, как он признался.

– Но вы явно это предвидели, к тому же калибр стандартный, достать патроны не составило труда, верно?

– Да.

– Сперва вы заплатили ему?

– Что?

– Ничего, забудьте.

– Поймите, страдали не только мы с Перниллой. Для Пера каждый день был мукой. Мой сын уже умер и только ждал... чтобы кто-нибудь остановил его сердце, которое упорно билось. Ждал...

– Спасителя.

– Да. Именно так. Спасителя.

– Но это ведь не ваша работа, Холмен.

– Да. Это дело Господа. – Холмен опустил голову и что-то пробормотал.

– Что вы сказали?

Холмен поднял голову, но взгляд блуждал в пространстве, ни на чем не останавливаясь.

– Но если Господь не делает свою работу, ее должен сделать кто-то другой.

На улице лишь желтые фонари да бурый сумрак. Когда выпадал снег, в Осло даже ночью было светло. Звуки казались укутанными в вату, а снег под ногами похрустывал как далекий фейерверк.

– Почему мы не забрали его? – спросил Халворсен.

– Бежать он не собирается и должен кое-что рассказать своей жене. Через час-другой пришем за ним машину.

– А он прямо артист.

– Да?

– Ну, обрыдался ведь, когда ты сообщил о смерти сына, верно?

Харри задумчиво покачал головой:

– Тебе еще многому предстоит научиться, Младший.

Халворсен с досадой пнул снег.

– Так просвети меня, о мудрейший.

– Убийство – поступок настолько из ряда вон выходящий, что люди вытесняют его, воспринимают как полузабытый кошмар. Я много раз видел такое. Только когда кто-то другой скажет об этом вслух, до них доходит, что это существует не просто у них в голове, а случилось на самом деле.

– Н-да. Все равно хладнокровный субъект.

– Ты что, не разглядел, что он совершенно в кусках? Пернилла Холмен, пожалуй, права: он из них двоих самый любящий.

– Любящий? Убийца? – Голос у Халворсена чуть не сорвался от возмущения.

Харри положил руку ему на плечо:

– Сам подумай. Разве это не поступок огромной любви? Пожертвовать родным сыном?

– Но...

– Я знаю, о чем ты думаешь, Халворсен. Привыкай, парень, подобные моральные парадоксы будут встречаться тебе на каждом шагу.

Халворсен взялся за незапертую дверцу, но она намертво примерзла. С неожиданной злостью он дернул ручку, дверца с треском распахнулась – резиновая прокладка осталась в проеме.

Они сели в машину, Харри смотрел, как Халворсен поворачивает ключ зажигания, а другой рукой щелкает себя по лбу, довольно сильно. Мотор взревел.

– Халворсен... – начал Харри.

– Так или иначе, дело раскрыто, комиссар обрадуется, – громко сказал Халворсен,

выруливая на дорогу, прямо перед сигналившим грузовиком. Потом наставил замерзший средний палец в зеркало. – Стало быть, давай маленько повеселимся. – Он опустил руку и опять щелкнул себя по лбу.

– Халворсен...

– Что? – буркнул тот.

– Прижмись-ка к тротуару.

– Чего?

– Давай.

Халворсен затормозил у бровки тротуара, отпустил руль и устремил решительный взгляд в переднее стекло. Пока они были у Холменов, стекло успело покрыться морозными узорами. Халворсен шумно дышал, грудь бурно поднималась и опускалась.

– В иные дни хочется послать эту работу к чертовой матери, – сказал Харри. – Не переживай.

– Не буду, – отозвался Халворсен, но дышал по-прежнему тяжело.

– Ты сам по себе, они сами по себе.

– Да.

Харри положил ладонь на спину Халворсена, подождал. Через некоторое время почувствовал, что коллега дышит спокойнее.

– Молодец, – сказал Харри.

Оба молчали, меж тем как машина, лавируя в потоке послеобеденного транспорта, катила в Грэнланн.

Он стоял на самом высоком месте самой оживленной пешеходной улицы Осло, которая носила имя шведско-норвежского короля Карла Юхана. Он запомнил план города, который взял в гостинице, и знал, что здание, чей контур виднеется на западе, это королевский дворец, а в восточной стороне расположен Центральный вокзал.

Он поежился.

Высоко на стене красным неоном светился термометр, сообщая о морозе, и малейшее движение воздуха ощущалось как ледяная стужа, проникающая сквозь верблюжье пальто, которым он до сих пор был вполне доволен, особенно потому, что купил его в Лондоне по весьма низкой цене.

На часах возле термометра было 19.00. Он зашагал на восток. Все складывается как будто бы удачно. Темно, масса людей, видеокамеры только возле двух банков и направлены на их банкоматы. Метро как путь отступления он уже исключил, там наверняка прорва камер наблюдения и мало народу. Осло оказался меньше, чем он думал.

Он зашел в магазин готового платья, где подыскал голубую шапку за сорок девять крон и шерстяную куртку за две сотни, но передумал, когда заметил тонкую штормовку за сто двадцать. Примеряя ее в кабинке, обнаружил, что таблетки дезодоранта из Парижа так и лежали в кармане пиджака, поломанные, отчасти растертые в пыль.

Ресторан располагался сотней метров дальше по улице, на левой стороне. Первым делом он убедился, что в гардеробе самообслуживание. Вот и хорошо, тем проще. Прошел в зал. Заполнен наполовину. Обозримый. С того места, где он стоял, видно все столики. Рядом вырос официант, и он заказал на завтра, на шесть часов, столик у окна.

Перед уходом проверил туалет. Помещение без окон. То есть единственный второй выход – через кухню. Неплохо. Идеальных мест не бывает, да и очень маловероятно, что ему потребуется другой путь отхода.

Выйдя из ресторана, он взглянул на часы и по пешеходной улице направился к вокзалу. Народ смотрел себе под ноги и в сторону. Маленький город, а все же с холодной отстраненностью мегаполиса. Хорошо.

На перроне экспресса, идущего в аэропорт, он снова глянул на часы. От ресторана шесть минут. Поезда отправлялись с интервалом в десять минут и через девятнадцать минут уже прибывали в аэропорт. Значит, можно сесть на поезд в 19.20 и уже в 19.40 очутиться в аэропорту. Прямой рейс до Загреба в 20.10. Билет лежал у него в кармане. Купленный непосредственно в авиакомпании SAS.

Вполне довольный, он вышел из нового вокзального терминала, спустился по лестнице под стеклянную крышу, где раньше явно был старый дебаркадер, а теперь размещались магазины, и выбрался на площадь. Иернбанеторг – так значилось на карте. Посредине площади красовался огромный, втрое больше натуральной величины, тигр, замерший на ходу, меж трамвайных рельсов, автомобилей и людской толчеи. Но телефонов-автоматов нигде не видно, вопреки заверениям администраторши. В конце площади, у навеса, стояла кучка людей. Он подошел ближе. Некоторые разговаривали между собой, наклонив друг к другу

головы в капюшонах. Возможно, живут в одном районе, по соседству, и ждут одного автобуса. Правда, они напомнили ему и кое-что другое. Он заметил, как тощие фигуры что-то передают из рук в руки, спешат прочь, сутулясь от ледяного ветра. И понял в чем дело. Видел ведь, как торгуют героином – и в Загребе, и в других городах Европы, хотя нигде так открыто, как здесь. И сообразил, что это ему напомнило. Кучки народу, в которых он сам стоял, когда ушли сербы. Беженцев.

Потом все же подъехал автобус. Белый. Остановился чуть поодаль от навеса. Двери открылись, но садиться в автобус никто не стал. Оттуда вышла девушка в форме, которую он сразу узнал. Армия спасения. Он замедлил шаги.

Девушка подошла к одной из женщин, помогла ей подняться в автобус. Двое мужчин последовали за ними.

Он остановился, глядя на них. Случайность, подумалось ему. Не более того. Он отвернулся. И на стене небольшой башенки с часами увидел три таксофона.

Пять минут спустя он уже сообщил ей в Загреб, что у него все хорошо.

– Последний заказ, – повторила она.

А Фред рассказал, что на стадионе «Максимар» голубые львы, загребское «Динамо», в матче против «Риеки» ушли на перерыв со счетом 1:0 в свою пользу.

Разговор обошелся в пятнадцать крон. Часы на башенке показывали 19.25. Обратный отсчет начался.

Группа расположилась в приходском доме при церкви Вестре-Акер.

Высокие сугробы окаймляли щебенчатую дорожку, ведущую к кирпичному домику на склоне возле кладбища. В голом помещении с пластиковыми стульями по стенам и длинным столом в центре сидело четырнадцать человек. На первый взгляд могло, пожалуй, показаться, что здесь идет общее собрание жилищного кооператива, ведь по лицам, возрасту, полу и одежде никак нельзя было заключить, что это за компания. Резкий свет отражался от оконных стекол и линолеума на полу. Собравшиеся тихонько переговаривались, вертели в руках картонные стаканчики. Громко фыркнула откупоренная бутылка «фарриса».

Ровно в 19.00 чья-то рука позвонила в колокольчик, и разговоры умолкли. Все взгляды обратились на женщину лет тридцати пяти. Она тоже смотрела на собравшихся, прямо, без опаски. Тонкие губы подкрашены помадой, отчего казались мягче, густые и длинные белокурые волосы сколоты простенькой пряжкой, большие руки спокойно, уверенно лежали на столе. Представительная женщина, как говорят в Норвегии, имея в виду, что черты лица красивы, но их обладательнице недостает шарма, позволяющего назвать ее обаятельной. От нее веяло сдержанностью и силой, а твердый авторитетный голос, секунду спустя наполнивший помещение, еще усилил это впечатление.

– Здравствуйте, меня зовут Астрид, я алкоголик.

– Привет, Астрид! – хором ответили остальные.

Астрид наклонилась к книге, лежащей перед ней на столе, и начала читать:

– Единственным условием членства в Обществе анонимных алкоголиков является желание бросить пить.

Она продолжала, а те, что сидели за столом и знали наизусть Двенадцать заповедей, шевелили губами. В паузах, когда она переводила дух, с верхнего этажа доносилось пение – там репетировал церковный хор.

– Сегодняшняя тема – Первая ступень, – сказала Астрид. – А звучит она так: «Мы

признаём, что были бессильны перед алкоголем и не могли более справиться со своей жизнью». Я могу начать и буду краткой, поскольку считаю, что закончила с первой ступенью.

Она вздохнула и криво улыбнулась.

– Я не пью уже семь лет и каждый день, проснувшись, первым делом говорю себе, что я алкоголик. Мои дети об этом не знают, думают, мама просто очень легко пьянела и перестала пить, потому что, когда пила, делалась очень злая. В моей жизни для равновесия необходима некоторая доля правды и некоторая доля лжи. Все может идти к черту, но я живу одним днем, избегаю первой выпивки и работаю сейчас над одиннадцатой ступенью. Спасибо вам.

– Спасибо, Астрид, – грянуло собрание и зааплодировало, меж тем как хор наверху славил Господа.

Она кивнула высокому мужчине с короткостриженными светлыми волосами, слева от себя.

– Привет. Меня зовут Харри, – сказал он хриловатым голосом. Тонкая сеточка красных жилок на крупном носу свидетельствовала о долгих годах отнюдь не трезвой жизни. – Я алкоголик.

– Привет, Харри.

– Я здесь новичок, для меня это шестая встреча. Или седьмая. И я пока на первой ступени. Иными словами, знаю, что я алкоголик, но полагаю, что держу себя под контролем. Поэтому мое присутствие здесь – своего рода самоопровержение. Но я дал слово психологу, другу, который желает мне добра. Он утверждает, что если я первые недели сумею выдержать рассуждения о Боге и о духовном, то обнаружу, что это помогает. Ну, я не знаю, способны ли анонимные алкоголики помочь сами себе, но готов попытаться. Почему бы и нет?

Он повернулся налево, показывая, что закончил. Послышались было аплодисменты, но Астрид их перебила:

– Ты, конечно, впервые взял слово на нашем собрании, Харри. И это замечательно. Но, раз уж начал, может, расскажешь побольше?

Харри посмотрел на нее. Остальные тоже. Методика запрещала давить на участников. Астрид смотрела ему в глаза. Он и в прошлые разы чувствовал на себе ее взгляд, но ответил всего один раз. Смерил ее наглым «лифтовым» взглядом, с ног до головы, и не единожды. В общем-то увиденное ему понравилось, но больше всего понравилось, что, когда он снова посмотрел ей в лицо, она заметно покраснела. И на следующем собрании глядела на него как на пустое место.

– Нет, спасибо, – сказал Харри.

Нерешительные аплодисменты.

Харри искоса поглядывал на нее, пока говорил следующий.

После собрания она спросила, где Харри живет, и сказала, что может его подвезти. Харри помедлил, а хор выше этажом тем временем настойчиво славил Господа.

Полтора часа спустя оба молча курили, глядя на дым, который окрашивал синевой темноту спальни. Сырая простыня на узкой кровати Харри еще хранила тепло, но холод в комнате заставил Астрид до подбородка натянуть тонкое белое одеяло.

– Было замечательно, – сказала она.

Харри не ответил. Подумал, что это в общем-то не вопрос.

– Я испытала оргазм. В первый же раз. Это не...

– Стало быть, муж у тебя врач?

– Ты уже спрашивал. Ответ тот же: да.

Харри кивнул:

– Ты слышишь этот звук?

– Какой звук?

– Тиканье. Это твои часы?

– У меня часов нет. Наверно, твои.

– Они электронные. Не тикают.

Она положила руку ему на бедро. Харри выбрался из постели. Ледяной линолеум обжег подошвы.

– Принести тебе воды?

– М-м-м.

Харри прошел в ванную, открыл кран, посмотрел в зеркало. Что она говорила насчет одиночества в его глазах? Он наклонился вперед, но увидел только голубую радужку вокруг маленьких зрачков да тонкую сетку жилок на белках. Халворсен, когда смекнул, что у них с Ракелью все кончено, сказал, что Харри надо искать утешения у других женщин. Или, как он выразился, «вытрахнуть» из себя меланхолию. Но Харри не мог и не хотел. Знал, что любая женщина, к которой он прикоснется, станет Ракелью. Ему необходимо забыть, вытеснить ее из своей крови, а не лечиться этаким любовным метадоном.

Хотя, возможно, он ошибается, а Халворсен прав. Потому что ему было приятно. На самом деле приятно. Вместо ощущения пустоты, оттого что пытался утолить одно желание посредством удовлетворения другого, он чувствовал себя полным жизни. И одновременно обессиленным. Она изнурила его. И ему понравилось, как она это сделала. Может, и вправду все просто, для него тоже?

Харри отступил на шаг, оглядел в зеркале свое тело. Похудел за последний год. Меньше жира, но и меньше мышц. Стал похож на отца. Судя по всему.

В комнату он вернулся с большим полулитровым стаканом воды, который они осушили вдвоем. Потом Астрид снова прижалась к нему. Поначалу ее кожа казалась влажной и холодной, но немного погодя он ощутил ее тепло.

– А теперь рассказывай, – сказала она.

– О чем? – Харри следил за дымом, который завивался какой-то буквой.

– Как ее зовут? Ведь все дело в «ней», верно?

Буква растаяла.

– Может быть.

Харри смотрел, как огонь пожирает сигарету, и рассказывал. Сначала скупо. Женщина рядом совсем чужая, в спальне темно, слова слетали с губ и растворялись, а он думал, что, наверно, примерно так происходит в исповедальне. Выплескиваешь все из себя. Или «отпускаешь», как говорят у Анонимных алкоголиков. И он продолжил рассказ. О Ракели, которая год назад выставила его за дверь, решив, что он одержим погоней за этим «кротом» в полиции, за Принцем. И об Олеге, ее сынишке, которого похитили из его детской и держали заложником, когда Харри наконец подошел на расстояние выстрела. Олег справился, причем хорошо, если учесть обстоятельства похищения и то, что Харри у него на глазах убил похитителя в лифте на Кампене. Хуже было с Ракелью. Через две недели после похищения, узнав подробности, она объявила, что не может терпеть его в своей жизни. Вернее, в жизни Олега.

Астрид кивнула:

– Она оставила тебя из-за ущерба, который ты им причинил?

Харри покачал головой:

– Из-за ущерба, которого я *не* причинил. Пока.

– Вот как?

– Я сказал, что дело закрыто, но она твердила, что я одержим, что все это так и не кончится, пока преступники гуляют на свободе. – Харри затушил сигарету в пепельнице на ночном столике. – Не одни, так другие. Я вечно буду кого-нибудь ловить. И этот кто-нибудь будет для них вечной угрозой. Для нее это чересчур.

– Одержимостью скорее уж страдает она.

– Да нет. – Харри улыбнулся. – Она права.

– Неужели? Объясни.

Харри пожал плечами.

– Подводная лодка... – начал он, но не договорил, закашлялся.

– Подводная лодка?

– Она так сказала. Я как подводная лодка. Погружаюсь туда, где темно, холодно и невозможно дышать, а на поверхность всплываю раз в два месяца. Она не хочет нырять со мной туда. Вполне логично.

– Ты по-прежнему ее любишь?

Харри не был уверен, что ему по душе оборот, какой принял разговор. Он глубоко вздохнул. В голове прокручивалась последняя стычка с Ракелью. Его собственный голос, тихий, как обычно, когда он сердился или боялся: «Подводная лодка?»

И голос Ракели: «Знаю, сравнение не самое удачное, но ты понимаешь...»

Харри вскидывает руки: «Нет, почему же. Блестящий образ. А этот твой... врач? Он кто – авианосец?»

Она, с досадой: «Он тут совершенно ни при чем, Харри. Речь о нас с тобой, о нас двоих. И об Олеге».

«Будь добра, не прикрывайся Олегом».

«Не прикрывайся...»

«Ты используешь его как заложника, Ракель...»

«Я? Использую его как заложника? Я похитила Олега? Я приставила ему к виску пистолет, когда тебе позарез надо было удовлетворить свою жажду мести?»

Жилы у нее на шее напрягаются, она кричит, голос становится чужим, противным, голосовые связки не выдерживают такой ярости. Харри уходит, тихо, почти бесшумно закрывает за собой дверь.

Он повернулся к Астрид:

– Да, я ее люблю. Ты любишь своего мужа-врача?

– Да.

– Тогда почему?

– Он меня не любит.

– Гм. Значит, ты мстишь ему.

Она посмотрела на него с удивлением:

– Нет. Просто я одинока. А ты мне нравишься. Наверно, причины те же, что и у тебя. Ты бы предпочел что-нибудь более сложное?

Харри рассмеялся:

– Нет-нет. Все хорошо.

– Как ты его убил?

– Кого?

– Их много? Похитителя.

– Это не важно.

– Может, и не важно, но я хотела бы услышать... – Она положила ладонь ему между ног, прижалась, прошептала: — ...подробности.

– Ни к чему это.

– Ошибаешься.

– Ладно, но мне не нравится...

– Да брось ты! – раздраженно воскликнула она, резко стиснув его член. Харри взглянул на нее. Голубые глаза жестко блеснули в темноте. Она поспешила улыбнуться и медовым голосом добавила: – Ну пожалуйста.

Мороз за окном спальни крепчал, кровли района Бишлет потрескивали и звенели, меж тем как Харри рассказывал подробности, чувствуя, как она сперва оцепенела, потом убрала руку и наконец сказала: «Хватит».

После ее ухода Харри постоял в спальне, прислушиваясь к потрескиванию. И к тиканью.

Потом наклонился поднять пиджак, брошенный на пол вместе с остальной одеждой, когда оба, охваченные страстью, стремительно ворвались в спальню. И в кармане нашел источник. Прощальный подарок Бьярне Мёллера. Стекло часов поблескивало.

Он сунул их в ящик ночного столика, но тиканье преследовало его на всем пути в страну снов.

Белым гостиничным полотенцем он стер с оружейных деталей лишнюю смазку.

Движение за окном проникало внутрь как ровный гул, заглушая в углу маленький телевизор, у которого было всего три канала с зернистым изображением, видимо норвежские. Девушка-портье забрала у него пиджак и обещала, что его почистят к завтрашнему утру. Он разложил детали на газете, одну возле другой. Когда все они просохли, он собрал пистолет, прицелился в зеркало и нажал на спуск. Механизм сработал мягко, он почувствовал, как движение стали передается по руке и плечу. Сухой щелчок, в обойме пусто. Мнимая казнь.

Так они пытались расколоть Бобо.

В ноябре 91-го, после трех месяцев осады и бомбежек, Вуковар наконец капитулировал. Лил дождь, когда сербы вошли в город. Вместе с остатками подразделения Бобо – примерно восемью десятками смертельно усталых, изголодавшихся хорватских военнопленных – он стоял в строю перед развалинами, там, где когда-то была центральная улица. Сербы приказали им стать по стойке «смирно», а сами укрылись в теплых палатках. Дождь поливал как из ведра, вспенивая глину. Через два часа люди начали падать. Лейтенант из подразделения Бобо вышел из строя, хотел помочь одному из упавших, и сербский рядовой, совсем мальчишка, вышел из палатки и выстрелил лейтенанту в живот. После никто уже не двигался с места, все смотрели на потоки дождя, затуманившие окрестные холмы, и надеялись, что лейтенант скоро перестанет кричать. Сам он заплакал, но тотчас услышал за спиной голос Бобо: «Не реви». И он замолк.

Под вечер, уже в сумерках, подъехал открытый джип. Сербы высыпали из палаток, взяли на караул. Он понял, что мужчина на пассажирском сиденье не иначе как командир,

«кремень с мягким голосом» – так его называли. На заднем сиденье джипа, опустив голову, сидел какой-то штатский. Джип остановился прямо перед строем пленных, и он, поскольку стоял в первом ряду, услышал, как командир предложил штатскому взглянуть на пленных. Как только тот нехотя поднял голову, он сразу его узнал. Местный, из Вуковара, отец мальчика из их школы. Взгляд этого человека скользнул по строю, дошел до него, но без тени узнавания скользнул дальше. Командир вздохнул, встал в джипе и отнюдь не мягким голосом крикнул: «Кто из вас проходит под кодовым именем Маленький Спаситель?»

В строю никто не пошевелился.

«Не смеешь выйти вперед, *Mali spasitelj*? Взорвал двенадцать наших танков, оставил наших женщин вдовами, а сербских детей сиротами!»

Он ждал.

«Ну-ну. А кто из вас Бобо?»

И на сей раз никто не пошевелился.

Командир посмотрел на штатского, который дрожащим пальцем указал на Бобо, стоявшего во второй шеренге.

«Подойди сюда».

Бобо подошел к джипу и шоферу, стоявшему подле машины. Когда Бобо стал по стойке «смирно» и козырнул, шофер сбил с него фуражку, прямо в грязь.

«Как мы поняли из радиопереговоров, Маленький Спаситель находится под твоей командой, – сказал комендант. – Будь добр, покажи его мне».

«Никогда не слыхал ни о каком спасителе», – ответил Бобо.

Командир ударил его рукоятью пистолета. Струя крови потекла у Бобо из носа.

«Быстро! Не хочу торчать под дождем, к тому же меня ждет обед».

«Я Бобо, капитан хорватской ар...»

Командир кивнул шоферу, тот за волосы запрокинул Бобо голову, так что ливень смыл кровь, стекавшую изо рта и носа на красную шейную косынку.

«Болван! – сказал командир. – Нет никакой хорватской армии, есть только изменники! Выбирай: либо мы расстреляем тебя прямо здесь и сейчас, либо ты покуда избавишь нас от этого. Мы ведь все равно найдем его».

«А ты все равно нас расстреляешь», – простонал Бобо.

«Конечно».

«Почему?»

Командир передернул затвор пистолета. С рукояти капали дождевые капли. Он приставил дуло к виску Бобо: «Потому что я сербский офицер. А мужчина должен уважать свою работу. Ты готов умереть?»

Бобо зажмурился, на ресницах висели капли дождя.

«Где Маленький Спаситель? Считаю до трех, потом стреляю. Раз...»

«Я Бобо...»

«Два!»

«...капитан хорватской армии, я...»

«Три!»

Даже в громком шуме дождя сухой щелчок прозвучал оглушительно.

«Извини, забыл вставить обойму», – сказал серб.

Шофер подал ему обойму. Он вставил ее в рукоять, дослал патрон и снова прицелился.

«Последний шанс! Один!»

«Я... мое подразделение...»

«Два!»

«...первый пехотный батальон...»

«Три!»

Снова сухой щелчок. Вуковарец в джипе всхлипнул.

«Вот черт! Пустая обойма. Что, попробуем еще разок, с хорошими боевыми патронами?»

Он вынул обойму, вставил новую, передернул затвор.

«Где Маленький Спаситель? Раз!»

Бобо пробормотал: «*Oše naš*... Отче наш...»

«Два!»

Небеса разверзлись, дождь лил стеной, словно в отчаянной попытке остановить происходящее среди людей, и, глядя на Бобо, он не выдержал, открыл рот, хотел крикнуть, что Маленький Спаситель это он, он им нужен, а не Бобо, он один, пусть берут его. Но в этот миг взгляд Бобо скользнул по нему и ушел в сторону, и в его глазах он прочел яростный приказ, увидел, как Бобо помотал головой. Потом Бобо вздрогнул, пуля пробила соединение души и тела, взгляд его погас, стал безжизнен и пуст.

В эту минуту подбежал молоденький серб, тот, что ранил лейтенанта.

«Перестрелка у больницы!» – выпалил он.

Командир выругался, сделал знак шоферу. Секунду спустя мотор взревел, и джип исчез в сумраке. Он мог бы сказать сербам, что у них нет причин для беспокойства. В больнице нет хорватов, которые могли бы стрелять. Они безоружны.

Бобо остался лежать лицом в грязной черной жиже. Когда совсем стемнело и сербы из палатки не могли никого увидеть, он вышел из строя, наклонился к убитому капитану, развязал узел красной косынки и взял ее себе.

Восемь утра, 16 декабря, день, которому суждено стать самым холодным за двадцать четыре года, еще тонул в ночном мраке. Харри вышел из управления, забрав у Герд под расписку ключ от квартиры Тома Волера. Шагал, подняв воротник пальто, а когда кашлял, звук словно уходил в вату, как будто воздух от холода загустел, стал тяжелым.

Утренний час пик, люди шаркали по тротуарам, спешили поскорей очутиться в помещении, но Харри шел размеренным широким шагом, слегка пружиня в коленях, на случай если резиновые подошвы мартенсов вдруг поедут по льду.

Когда он вошел в расположенную в центре холостяцкую квартиру Тома Волера, небо за холмами Экеберга посветлело. После смерти Волера квартира не одну неделю была опечатана, однако обыск не дал ни малейшей зацепки, которая привела бы к возможным соучастникам в контрабанде оружия. Во всяком случае, так сказал начальник уголовной полиции, когда информировал о том, что это дело не первоочередное по причине «других неотложных следственных задач».

Харри зажег свет в гостиной и снова отметил совершенно особенную тишину в жилище покойного. На стене перед диваном из блестящей черной кожи висел изысканный плазменный телевизор с большими, примерно в метр высотой, динамиками по обе стороны, которые явно были частью стереосистемы. Несколько картин с синими кубическими монстрами, Ракель называла их линейно-циркульным искусством.

Он прошел в спальню. Серый свет сочился в окно. Все прибрано. На письменном столе – монитор. Но системного блока нет. Наверно, забрали на проверку. Но среди улик в управлении он его не видел. Самого Харри от этого дела отстранили. Официально потому, что из-за гибели Волера он находился под следствием отдела внутренней безопасности. Но его не оставляло ощущение, что кому-то из коллег совсем не выгодно, так сказать, переворачивать все камни.

Собираясь выйти из спальни, Харри вдруг что-то услышал.

В квартире уже не было мертвой тишины.

Далекое тиканье щекотало кожу, заставляло волосы на руках стать дыбом. Звук шел из платяного шкафа. Он помедлил. Потом открыл дверцу. Прямо за нею стояла открытая коробка, и он тотчас узнал куртку, которая в ту ночь была на Томе Волере. А поверх куртки лежали и тикали наручные часы. Тикали точно так же, как тогда, когда Том Волер просунул руку в дверное оконце лифта, к ним, а лифт поехал и отрубил ему руку. После они сидели в лифте, на полу между ними лежала эта рука, восковая, мертвая, словно оторванная от манекена, только с пустяковым отличием – при часах. И часы эти тикали, не желали останавливаться, жили, как в той истории, которую отец читал ему в детстве, о бьющемся сердце убитого, оно неумолчно стучало и в конце концов довело убийцу до безумия.

Отчетливое тиканье, энергичное, настойчивое. Из тех, что запоминаются. Часы «Ролекс». Тяжелые и наверняка жутко дорогие.

Харри захлопнул шкаф. Гулко топая, прошел к выходу. Загремел ключами, запирая дверь, и лихорадочно напевал, пока не очутился на улице, где благословенный транспорт заглушил

все.

В три часа длинные тени уже падали на дом № 4 по Коммандёр-Т.И. Эгримс-плас и в окнах штаб-квартиры Армии спасения загорались лампы. В пять совсем стемнело, ртуть в термометрах опустилась ниже минус пятнадцати. Редкие заблудшие снежинки ложились на крышу смешного автомобильчика, в котором ждала Мартина Экхофф.

– Ну выходи же, папа, – бормотала она, опасливо поглядывая на шкалу аккумулятора. Неизвестно, как электромобиль – подарок королевской семьи – поведет себя на морозе. Она перебрала в памяти все, что сделала перед уходом из конторы: выложила в Сети сообщения о новых и отмененных служебных собраниях, уточнила графики дежурств в автобусе-столовой и возле кружки на Эгерторг, прочла корректуру ответного письма в канцелярию премьер-министра по поводу ежегодного рождественского концерта в Концертном зале.

Дверца автомобиля открылась, впустив холод и мужчину с густой седой шевелюрой под форменным кепи, с самыми ясными голубыми глазами, какие знала Мартина. Во всяком случае, у людей старше шестидесяти. С некоторым усилием он разместил ноги в тесном пространстве между приборной панелью и сиденьем.

– Можно ехать, – сказал он, смахивая снег с командирских знаков различия, свидетельствовавших, что он главный командир Армии спасения в Норвегии. Свою короткую реплику он произнес бодро, с непринужденной авторитетностью, естественной для людей, привыкших, что их распоряжения всегда выполняются.

– Поздно ты, – сказала Мартина.

– А ты просто ангел. – Отец потрепал ее по щеке, в голубых глазах поблескивали энергия и веселье. – Теперь надо поспешить.

– Папа...

– Минутку. – Он опустил стекло. – Рикард!

У входа в Храм, расположенный рядом, под одной крышей со штаб-квартирой, стоял молодой парень. Он встрепенулся, поспешил к ним, косолапо загребая ногами и прижав локти к телу. Поскользнулся, чуть не упал, но сумел удержать равновесие. Подошел к автомобилю, перевел дух.

– Да, командир?

– Зови меня Давидом, как все, Рикард.

– Слушаюсь, Давид.

– Только не с каждой фразой, будь добр.

Взгляд Рикарда перебежал с командира Давида Экхоффа на его дочь Мартину и обратно. Двумя пальцами он смахнул пот с верхней губы. Мартина часто думала, как это получается, что у человека потеет одно место, независимо от погоды и ветра. Особенно когда он во время богослужения или в других случаях оказывался рядом с ней и что-нибудь ей шептал, якобы забавное, а может, она и вправду сочла бы его слова забавными, если б не плохо скрытая нервозность и слишком навязчивое присутствие. Ну а еще пот на верхней губе. Иной раз, когда Рикард сидел поблизости и кругом было тихо, она слышала шуршание, когда он проводил пальцами по верхней губе. Ведь Рикард не только потел, вдобавок у него очень быстро отрастала необычайно густая щетина. Утром приходит в штаб-квартиру свежесбрившийся, гладкий как младенец, но уже к полудню белая кожа приобретает сизый оттенок, и вечером он появляется на собраниях после нового бритья.

– Я пошутил, Рикард, – улыбнулся Давид Экхофф.

Мартина знала, что шутил отец совершенно беззлобно. Просто иногда был не способен понять, что командует людьми.

– Конечно. – Рикард деланно засмеялся. Наклонился к окну. – Привет, MARTINA.

– Привет, Рикард, – поздоровалась она, сделав вид, что изучает шкалу аккумулятора.

– Думаю, ты мог бы оказать мне услугу, – сказал командир. – За последние дни дороги сильно обледенели, а на моей машине резина хоть и зимняя, но нешипованная. Я бы сам поменял, но мне надо в «Маяк»...

– Знаю, – быстро сказал Рикард. – У тебя ужин с министром социального обеспечения. Мы надеемся, что соберется много журналистов. Я говорил с шефом пресс-службы.

Давид Экхофф сдержанно улыбнулся:

– Рад, что ты в курсе происходящего. Но дело в том, что моя машина стоит здесь, в гараже, и хорошо бы поставить шипованные колеса к моему возвращению. Понимаешь?

– Они где? В багажнике?

– Да. Но только если у тебя нет дел поважнее. Я как раз собирался позвонить Юну, он говорил, что сможет...

– Нет-нет, – тряхнул головой Рикард. – Я все сделаю. Не сомневайся, э-э... Давид.

– Точно?

Рикард растерянно взглянул на командира:

– В смысле?

– У тебя правда нет дел поважнее?

– Правда. Я с удовольствием. Люблю возиться с машинами и...

– Менять резину?

В ответ на широкую улыбку командира Рикард только молча кивнул.

Стекло поднялось, машина тронулась, и MARTINA сказала отцу, что, по ее мнению, нехорошо использовать так Рикардово служебное рвение.

– Ты, наверно, имеешь в виду покорность, – отозвался отец. – Не волнуйся, милая, это всего-навсего проверка.

– Проверка? Самоотверженности? Или страха перед авторитетом?

– Последнего. – Командир фыркнул. – Я говорил с Теа, сестрой Рикарда, и она ненароком обронила, что Рикарду очень хочется до завтра закончить бюджет. Если так, ему бы следовало оставить дело с резиной Юну.

– Ну и что? Рикард просто покладистый.

– Да, покладистый и расторопный. Трудолюбивый и серьезный. Я лишь хочу убедиться, что у него достаточно твердости и мужества, необходимых для важной руководящей должности.

– Все говорят, что должность получит Юн.

Давид Экхофф едва заметно усмехнулся, глядя на свои руки.

– Вот как? Вообще-то я ценю, что ты защищаешь Рикарда.

MARTINA смотрела на дорогу, но чувствовала на себе взгляд отца, когда он продолжил:

– Ты же знаешь, наши семьи связывает многолетняя дружба. Они хорошие люди. С прочными корнями в Армии.

MARTINA шумно вздохнула, подавляя досаду.

Для этой работы нужна всего одна пуля.

Тем не менее он снарядил обойму полностью. Во-первых, при полной обойме оружие

идеально сбалансировано. А во-вторых, вероятность осечки сводится к минимуму. Шесть пуль в обойме, одна – в патроннике.

Он надел плечевую кобуру. Купил подержанную, кожа была мягкая, пахла солью и горечью пота и ружейного масла. Пистолет лежал как надо. Став перед зеркалом, он надел пиджак. Ничего не заметно. Крупнокалиберные пистолеты стреляют прицельнее, но ведь он занимается не снайперской стрельбой. Штормовка. Затем пальто. Шапку он сунул в карман, проверил, не забыл ли положить во внутренний карман красную шейную косынку.

Посмотрел на часы.

– Твердость, – сказал Гуннар Хаген. – И мужество. Эти два качества я считаю самыми главными для моих инспекторов.

Харри не ответил. Решил, что это, пожалуй, не вопрос. Обвел взглядом кабинет, где часто сидел вот как сейчас. Не считая фразы о том, что комиссар говорит инспектору, как обстоит на самом деле, все здесь теперь по-другому. Исчезли кипы мёллеровских бумаг, альбомы с Утенком Дональдом и К°, засунутые на полку среди кодексов и полицейских инструкций, большая фотография семьи и еще большая – золотистого ретривера, которого дети когда-то получили в подарок и давно забыли, потому что девять лет назад он умер, но Бьярне Мёллер до сих пор горевал о нем.

Чистый стол с компьютерным монитором и клавиатурой, маленькая серебряная подставка с обломком белой косточки и локти Гуннара Хагена, на которые тот как раз оперся, устремив на Харри взгляд из-под навесов бровей.

– Есть, однако, и третье качество, на мой взгляд еще более важное, Холе. Отгадайте какое.

– Не знаю, – безучастным тоном отозвался Харри.

– Дисциплина. *Дис-цип-ли-на*.

Комиссар произнес это слово с нажимом, по слогам, и Харри ожидал чуть ли не лекции о его этимологии. Но Хаген встал и с важным видом, заложив руки за спину, прошелся по кабинету, вроде как метил территорию, что Харри показалось смешноватым.

– Я говорю об этом с каждым в подразделении, лицом к лицу, чтоб было ясно, чего я ожидаю.

– В отделе.

– Простите?

– Нас тут никогда не называли подразделением. Хотя должность раньше именовалась «начальник полицейского подразделения». Это так, для информации.

– Спасибо, я учту, инспектор. На чем я остановился?

– На дис-цип-ли-не.

Хаген пробуравил Харри взглядом. Тот и бровью не повел, и Хаген снова прошелся по комнате.

– Последние десять лет я читал лекции в Высшем военном училище. Моя специальность, в частности, Бирманская операция. Полагаю, Холе, вы удивлены и спрашиваете себя, как это может быть связано с моей здешней работой.

– Верно. – Харри почесал ногу. – Вы читаете во мне как в открытой книге, шеф.

Хаген провел пальцем по подоконнику и недовольно поморщился.

– В тысяча девятьсот сорок втором году без малого сто тысяч японских солдат завоевали Бирму. А Бирма вдвое больше Японии и в то время была оккупирована британскими войсками, намного превосходящими японцев в живой силе и технике. – Хаген поднял вверх

запачканный палец. – Но в одном японцы обладали превосходством, и это одно позволило им одолеть англичан и индийских наемников. Дисциплина. Японцы шли на Рангун, сорок пять минут марша, пятнадцать минут сна. Ложились прямо на дорогу, не снимая вещмешков, ногами в направлении марша. Чтобы, проснувшись, не очутиться в канаве и не двинуть в другую сторону. Направление очень важно, Холе. Понимаете?

Харри догадался, что последует дальше:

– Думаю, в итоге они дошли до Рангуна, шеф.

– Именно. Все. Потому что действовали, как приказано. Мне вот как раз сообщили, что вы брали ключи от квартиры Тома Волера. Это верно, Холе?

– Заглянул на минутку, шеф. Из чисто терапевтических соображений.

– Надеюсь. Дело закрыто. Вынюхивать в квартире Волера – напрасная трата времени, а кроме того, это идет вразрез с приказом, который вы ранее получили от начальника уголовной полиции, а теперь и от меня. Полагаю, мне незачем расписывать последствия неподчинения приказу, замечу только, что японские офицеры расстреливали солдат, которые пили воду в неурочное время. Не из садизма, а потому, что дисциплина есть оперативное удаление раковой опухоли. Ясно, Холе?

– Ясно... ну то есть абсолютно ясно, шеф.

– У меня пока все, Холе. – Хаген сел в кресло, достал из ящика какой-то документ, начал внимательно читать, словно Харри уже вышел из кабинета, и, подняв голову, с удивлением обнаружил, что тот по-прежнему стоит перед ним. – Есть вопросы, Холе?

– Гм, я просто подумал. Разве японцы не проиграли войну?

После ухода Харри Гуннар Хаген еще долго сидел, устремив невидящий взгляд в свои бумаги.

Ресторан был заполнен наполовину. Как и накануне. В дверях его встретил красивый молодой официант, голубоглазый, с белокурыми кудрями. До того похожий на Джорджи, что он на мгновение замер, не сводя с него глаз. И сообразил, что выдал себя, когда на губах официанта заиграла широкая улыбка. Вешая пальто и штормовку на крючок в гардеробе, он чувствовал на себе взгляд официанта.

– *Your name?*^[10] – спросил официант.

Он невнятно ответил.

Длинным тонким пальцем официант провел по странице блокнота с заказами.

– *I got my finger on you now*^[11], — сказал официант, голубые глаза сверлили его, пока он не покраснел.

На вид ресторан не особенно изысканный, но если он в уме прикинул правильно, то цены в меню вполне приемлемые. Заказал пасту и стакан воды. Проголодался. А сердце стучало ровно и спокойно. Остальные посетители разговаривали между собой, улыбались, смеялись, будто с ними ничего не может случиться. Его всегда удивляло, что ничего не заметно, что вокруг него нет черного ореола, что от него не веет ни холодом, ни запахом тлена.

Точнее, *другим* ничего не заметно.

Снаружи часы на ратуше шесть раз вызвонили свои три ноты.

– Уютное место, – сказала Теа, оглядываясь по сторонам. Ресторан был вполне обозримый, столик стоял у окна, выходящего на улицу. Из скрытых динамиков доносилась

едва внятная медитативная музыка в стиле нью-эйдж.

– Я хотел поужинать в особенной обстановке, – сказал Юн, открыв меню. – Что ты будешь?

Взгляд Теа нерешительно скользил по строчкам меню.

– Прежде всего закажу воды.

Теа пила много воды. Юн знал, что это каким-то образом связано с диабетом и почками.

– Вправду нелегко выбрать, – сказала она. – Все выглядит заманчиво.

– Но ведь все меню не съешь.

– Да...

Юн сглотнул. Реплика вырвалась у него нечаянно. Он украдкой посмотрел на Теа. Она явно ничего не заметила.

Внезапно она подняла голову:

– Собственно, что ты имел в виду?

– О чем ты?

– Ну, насчет всего меню. Ты пытался что-то сказать, Юн. Я же знаю тебя. Что именно?

Он пожал плечами:

– Мы ведь договорились, что еще до помолвки все друг другу расскажем, верно?

– И что?

– Ты на самом деле рассказала мне... все?

Она с досадой вздохнула:

– Конечно, Юн. У меня ни с кем ничего не было. В *таком* смысле.

Однако в ее взгляде, в ее лице он заметил что-то, чего прежде не видел. Маленькая мышца у рта напряглась, глаза потемнели, словно закрылась бленда. И он не сдержался:

– И с Робертом тоже?

– Что?

– С Робертом. Я помню, как вы флиртовали в то первое лето в Эстгоре.

– Мне было четырнадцать, Юн!

– Ну и что?

Сперва в ее взгляде сквозило недоверие. Потом он как бы ушел вовнутрь, погас, она отдалилась от него. Юн взял ее руку в свои, наклонился к ней, прошептал:

– Прости меня, прости, Теа. Сам не знаю, что на меня нашло. Я... Давай забудем мой вопрос, ладно?

– Что будете заказывать?

Оба посмотрели на официанта.

– На закуску свежую спаржу, – сказала Теа, отдавая ему карточку. – И шатобриан с белыми грибами.

– Прекрасный выбор. Можно порекомендовать вам отличное и подходящее красное вино, которое мы только что получили?

– Порекомендовать можно, но я предпочитаю воду, – лучезарно улыбнулась Теа. – Много воды.

Юн взглянул на нее. Восхищаясь ее способностью скрывать свои чувства.

Когда официант ушел, она устремила взгляд на Юна:

– Если ты закончил допрос, то как насчет тебя самого?

Юн криво усмехнулся, покачал головой.

– У тебя никогда не было подружки. Даже в Эстгоре.

– А знаешь почему? – Юн накрыл ее руку ладонью.

Она мотнула головой.

– Потому что тем летом я влюбился в одну девочку. – Юн посмотрел ей в глаза. – Ей было всего четырнадцать. С тех пор я ее и люблю.

Он улыбнулся, Теа тоже улыбнулась и снова вышла из своего убежища, к нему.

– Вкусный суп, – сказал министр социального обеспечения командиру Давиду Экхоффу. Но достаточно громко, чтобы слышали журналисты.

– Наш собственный рецепт, – заметил командир. – Несколько лет назад мы выпустили поваренную книгу и подумали, что вы, господин министр, вероятно... – Он сделал знак Мартине, та подошла и положила книгу возле тарелки министра. – ...найдете ей применение, если захотите дома приготовить вкусный и питательный обед.

Немногие журналисты и фотографы, присутствующие в кафе «Маяк», зашушукались. В остальном народу было мало, несколько пожилых мужчин из приюта, заплаканная дама в пальто да наркоман с кровоточащей ссадиной на лбу, дрожавший как осиноый лист, потому что боялся подняться на второй этаж, в армейский медпункт. Малолюдность не вызывала удивления. Обычно «Маяк» в эту пору закрыт. Поскольку же утренний визит не вписался в распорядок дня министра, он не увидел, как многолюдно здесь бывает обычно. Все это командир ему объяснил. Добавив, насколько эффективно ведутся дела и сколько это стоит. Министр только кивал, не забывая исправно орудовать ложкой.

Мартина взглянула на часы. Без четверти семь. Секретарь министра сказал, что в 19.00 они должны уйти.

– Спасибо за вкусный ужин, – поблагодарил министр. – Мы успеем познакомиться с кем-нибудь из посетителей?

Пресс-секретарь кивнула.

Кокетство, подумала Мартина. Конечно же они успеют поздороваться с посетителями, ведь затем и пришли. Не затем, чтобы выделить деньги. Это можно сделать и по телефону. Но чтобы пригласить прессу и представить общественности министра, который общается с нуждающимися, ест суп, за руку здороваются с наркоманами и слушает их, с сочувствием и вниманием.

Пресс-секретарь знаком показала фотографам, что можно снимать. Точнее, проследила, чтобы они сделали фото.

Министр встал, застегнул пиджак и обвел взглядом помещение. Мартина догадывалась, что он прикидывает три возможности выбора. Двое пожилых мужчин выглядели как обычные обитатели приюта для престарелых и вряд ли годятся для газеты: министр здороваются с таким-то наркоманом или с такой-то проституткой. Наркоман со ссадиной, похоже, не в себе, да и вообще это уже перебор. А вот женщина... С виду обычная гражданка, из тех, с кем каждый может себя отождествить и кому хочется помочь, тем более узнав ее душераздирающую историю.

– Вы цените возможность приходить сюда? – спросил министр, протягивая руку.

Женщина подняла на него глаза. Министр назвал свое имя.

– Пернилла... – в свою очередь начала женщина, но министр перебил:

– Достаточно одного имени, Пернилла. Здесь присутствуют журналисты, знаете ли. Они нас сфотографируют, вы не против?

– Холмен, – сказала женщина и деликатно высморкалась в платок. – Пернилла

Холмен. – Она показала на стол, где у одной из фотографий горела свеча. – Я здесь из-за моего сына. Вы не могли бы оставить меня в покое?

Мартина задержалась возле женщины, меж тем как министр со свитой поспешно ретировался. Она заметила, что он все же отошел к двум старикам.

– Мне жаль, что с Пером так случилось, – тихо сказала Мартина.

Женщина подняла к ней лицо, опухшее от слез. И от таблеток, подумала Мартина.

– Ты знала Пера? – прошептала она.

Мартина предпочитала правду. Даже неудобную. Не по причине воспитания, а потому, что обнаружила: по большому счету так легче жить. Но в дрожащем от слез голосе сквозила мольба. Мольба о том, чтобы кто-нибудь сказал, что ее сын был не только роботом-героинщиком, бременем, от которого общество наконец избавилось, а человеком, которого кто-то знал, с которым дружил и которого, может быть, даже любил.

– Госпожа Холмен, – помедлив, сказала Мартина, – я его знала. Он был хороший парень.

Пернилла Холмен дважды мигнула, не говоря ни слова. Попыталась улыбнуться, но получались только гримасы. Сумела прошептать «спасибо», и по щекам вновь покатались слезы.

Мартина увидела, что командир машет ей, но села рядом с Перниллой Холмен.

– Они... они забрали моего мужа, – выдавила та сквозь рыдания.

– Что?

– Полиция. Они говорят, это он сделал.

Когда Мартина отошла от Перниллы Холмен, она думала о долговязом светловолосом полицейском. Он казался таким искренним, когда говорил, что ему есть дело до Пера. Ее охватил гнев. И замешательство. Поскольку она не совсем понимала, почему так злится на человека, которого совершенно не знает. Глянула на часы. Без пяти семь.

Харри сварил рыбный суп. К пакетику «Фундуса» добавил молока и кусочки рыбной запеканки. Плюс багет. Все куплено в «Ниязи», магазинчике, который держали сосед снизу, Али, и его брат. На столе рядом с большущей тарелкой стоял полулитровый стакан воды.

Харри поставил диск, прибавил громкость. Выбросил из головы все мысли, сосредоточился на музыке и супе. Звуки и вкус. Больше ничего.

Он наполовину опустошил тарелку и слушал третью запись, когда зазвонил телефон. Пускай звонит. Однако на восьмом звонке встал, выключил музыку.

Звонила Астрид.

– Харри, что подельываешь? – Она говорила тихо, тем не менее голос отдавался эхом. Должно быть, она дома, закрылась в ванной.

– Ем. И слушаю музыку.

– Я собираюсь выйти из дома. Есть дело по соседству с тобой. Что-то планируешь на остаток вечера?

– Да.

– Что же именно?

– Слушать музыку.

– Хм. Судя по всему компания тебе не требуется.

– Верно.

Пауза. Астрид вздохнула.

– Дай знать, если вдруг передумаешь.

– Астрид.

– Да?

– Дело не в тебе. Понимаешь? Дело во мне.

– Не надо извиняться, Харри. В смысле, если ты воображаешь, будто для одного из нас это жизненно важно. Я просто подумала, что было бы здорово.

– Может, в другой раз.

– Когда?

– В другой раз.

– Совсем в другой?

– Скажем, так.

– Ладно. Но ты мне нравишься, Харри. Не забывай.

Разговор кончился. Харри постоял, даже не прислушиваясь к внезапной тишине. Слишком был озадачен. Когда Астрид позвонила, ему привиделось лицо. Удивил его не сам этот факт, а то, что лицо не принадлежало ни Ракели, ни Астрид. Он плюхнулся в кресло, решив пока об этом не думать. Ведь, если это означало, что время сделало свое дело и Ракель уходит, значит, симптом и без того хороший. А стало быть, незачем усложнять процесс.

Он снова включил стереоустановку и выбросил мысли из головы.

Он заплатил по счету. Бросил в пепельницу зубочистку, посмотрел на часы. Без трех минут семь. Кобура терла под мышкой. Достал из внутреннего кармана фото, присмотрелся. Пора.

Никто из посетителей ресторана – в том числе парочка за соседним столом – не обратил внимания, когда он встал и направился в туалет. Закрылся в одной из кабинок, выждал минуту, сумел устоять перед искушением проверить, что пистолет заряжен. Этому он научился у Бобо. Реакция замедлится, если привыкнешь к роскоши всегдашней двойной проверки.

Минута истекла. Он вышел в гардероб, надел штормовку, повязал на шею красную косынку, надвинул на уши шапку. Открыл дверь и очутился на Карл-Юханс-гате.

Быстро зашагал к самой верхней точке. Не потому, что спешил, а потому, что, как он заметил, в таком темпе здесь двигались все, такой темп делал тебя незаметным. Миновал урну на фонарном столбе, куда накануне решил бросить пистолет на обратном пути. Прямо посреди оживленной пешеходной улицы. Полиция его найдет, но это не важно. Главное, чтобы пистолет не нашли на нем.

Музыку он услышал еще издалека.

Несколько сотен людей полукругом стояли перед музыкантами, которые, когда он подошел, как раз допели песню. Пока звучали аплодисменты, часы сообщили, что он пришел минута в минуту. Внутри полукруга, сбоку и перед группой висела на деревянной подставке черная кружка, а рядом стоял человек с фотографии. Правда, освещали его только уличные фонари да два факела, но это, без сомнения, он. Тем более что на нем форма и кепи Армии спасения.

Вокалист что-то крикнул в микрофон, народ заликовал, захлопал в ладоши. Музыканты заиграли, блеснула фотовспышка. Играли громко. Ударник поднимал правую руку высоко в воздух, после чего выбивал резкую дробь.

Он протолкался сквозь толпу, остановился метрах в трех от человека из Армии спасения и проверил, свободен ли путь отхода. Перед ним стояли две девочки-подростка, от них пахло

жевательной резинкой, изо рта вырывались клубы пара. Обе ниже его. Он ни о чем особо не думал, не торопился, просто без церемоний сделал то, зачем пришел: вытащил пистолет, вытянул руку, сократив дистанцию до двух метров. Прицелился. Человек у кружки раздвоился. Он перестал целиться, и две фигуры опять слились в одну.

– Твое здоровье, – сказал Юн.

Музыка, точно вязкая начинка из пирога, текла из динамиков.

– И твое! – Теа послушно чокнулась с ним.

Оба выпили, посмотрели друг на друга, и он беззвучно произнес: *я тебя люблю*.

Она покраснела, опустила глаза, но улыбнулась.

– У меня есть для тебя маленький подарок.

– О! – Тон был игривый, кокетливый.

Юн сунул руку в карман. Нащупал под мобильником твердый пластик коробочки от ювелира. Сердце учащенно забилось. Господи, как же он радовался этому вечеру, этой минуте, а одновременно изнывал от страха.

Мобильник завибрировал.

– Что-то случилось?

– Нет-нет, я... Извини. Сейчас вернусь.

В туалете он достал телефон, глянул на дисплей. Вдохнул, нажал кнопку приема.

– Привет, милый, как ты?

Голос ласковый, веселый, словно она только что услышала что-то смешное, что-то побудившее ее подумать о нем, совершенно импульсивно. Но мобильник сообщил о шести неотвеченных вызовах.

– Привет, Рагнхильд.

– Станный звук. Ты...

– Стою в туалете. В ресторане. Мы с Теа ужинаем. Давай поговорим в другой раз.

– Когда?

– Ну... в другой раз.

Пауза.

– Ода.

– Мне следовало позвонить, Рагнхильд. Я должен кое-что тебе сказать. Ты, конечно, догадываешься что. – Юн вздохнул. – Ты и я, мы не можем...

– Юн? Я толком не могу разобрать, что ты говоришь.

Юн сомневался, что это правда.

– Может, я зайду к тебе завтра вечером? – сказала Рагнхильд. – И ты все объяснишь.

– Завтра вечером я буду не один. И в другие вечера...

– Тогда давай встретимся в «Гранде», пообедаем. Я сообщу эсэмэской номер комнаты...

– Рагнхильд, я не...

– Не слышу. Позвони мне завтра, Юн. Хотя у меня целый день встречи. Я сама тебе позвоню. Не выключай телефон. Желаю хорошо повеселиться, милый.

– Рагнхильд?

Юн посмотрел на дисплей. Отключилась. Можно выйти на улицу и позвонить. Объясниться в конце концов. Прямо сейчас, раз уж на то пошло. Это единственно правильное. И разумное. Разрубить узел, чтобы не мешал.

Они стояли друг против друга, но человек в форме Армии спасения вроде бы его не видел. Он дышал спокойно, палец медленно нажимал на спуск, вдавливал его. Потом их взгляды встретились. И он подумал, что солдат не выказал ни удивления, ни шока, ни испуга. Наоборот, его лицо как бы просветлело, словно вид пистолета стал ответом на его мысли. Грянул выстрел.

Если б он совпал с барабанной дробью, музыка, вероятно, полностью бы его заглушила, но сейчас несколько человек обернулись, уставились на парня в штормовке. На пистолет. И на солдата Армии спасения, у которого прямо под козырьком форменного кепи возникло отверстие, и он упал навзничь, выбросив руки вперед, как марионетка.

Харри вздрогнул в кресле. Надо же, заснул. В комнате царила тишина. Что же его разбудило? Он прислушался, но услышал только ровный, негромкий, умиротворяющий шум города. Хотя нет, примешивается еще какой-то звук. Он напряг слух. В самом деле. Звук едва внятный, однако, когда Харри сообразил, что это, он проступил явственнее. Негромкое тиканье.

Сидя в кресле, Харри закрыл глаза.

И внезапно в нем вскипела злость, он вскочил, прошел в спальню, открыл ящик ночного столика, схватил мёллеровские часы, распахнул окно и, не задумываясь, с размаху вышвырнул их на улицу. Услышал, как они ударились о стену соседнего дома, а потом упали на обледенелый асфальт. Он захлопнул окно, запер на шпингалеты, вернулся в гостиную и прибавил громкость. Да так, что мембраны динамиков поплыли перед глазами, высокие частоты приятно щекотали барабанные перепонки, а басы дрожали во рту.

Собравшиеся на площади смотрели уже не на музыкантов, а на человека в снегу. Форменное кепи откатилось в сторону и лежало возле микрофона вокалиста, группа еще не осознала, что произошло, и продолжала играть.

Девушки-подростки, стоявшие ближе всех к упавшему, обе отпрянули назад. Одна закричала.

Вокалист, который пел с закрытыми глазами, открыл их и обнаружил, что внимание публики сосредоточено вовсе не на нем. Повернулся и увидел человека на снегу. Поискал взглядом охранника, организатора, руководителя – кого-нибудь, кто мог бы взять ситуацию под контроль, но концерт был уличный, каждый мысленно кивал на других, музыка продолжалась.

Потом по толпе прошло движение, народ расступился перед женщиной, которая с криком «Роберт!» проталкивалась вперед.

Голос ее хрипел и срывался. Бледная, одета в тонкую куртку из черной кожи, с дырой на локте. Она доковыляла до упавшего, рухнула рядом на колени.

– Роберт!

Костлявой рукой она тронула его шею. Потом дрожащим пальцем ткнула в сторону музыкантов.

– Замолчите, черт побери!

Один за другим они перестали играть.

– Парень умирает. Врача сюда. Скорее!

Она снова коснулась его шеи. Пульса нет. Сколько раз она бывала в такой ситуации. Иногда все кончалось благополучно. Как правило же, скверно. Она находилась в

замешательстве. Ведь тут явно не передозировка, парень из Армии спасения не сидит на игле! Пошел снег, снежинки таяли на его щеках, закрытых веках, приоткрытых губах. Красивый парень. Черты разгладились, и он стал похож на ее сына, когда тот спал. И тут она заметила тонкую струйку крови, стекавшую из маленького черного отверстия в голове наискось к виску и в ухо.

Чьи-то руки подхватили ее, оттащили в сторону, над парнем склонился мужчина. Она успела еще раз взглянуть на лицо парня, на отверстие и вдруг с необычайной ясностью поняла, что такая судьба ждет и ее мальчика.

Он шел быстро. Но не слишком, не бежал. Смотрел на спины впереди, углядел спешащего человека, пристроился за ним. Никто не попытался его остановить. Кто бы сомневался. Гром выстрела заставляет людей пятиться назад. Зрелище побуждает бежать. А в этом случае большинство даже не успело понять, что случилось.

Последний заказ.

Группа все еще играет.

Начался снегопад. Отлично, народ поневоле будет смотреть под ноги, чтобы защитить глаза.

В нескольких сотнях метров виднелось желтое вокзальное здание. У него, как бывало временами, возникло ощущение, что все вокруг плывет, что с ним ничего не случится, что сербский танк «Т-55» просто-напросто инертная громада, слепая и глухая, и что, когда он вернется домой, родной город будет стоять целый-невредимый.

Кто-то торчит возле урны, куда он хотел бросить пистолет.

Человек в новой, вполне модной одежде, только на ногах голубые кроссовки. А лицо загрубелое, темное, словно обожженное, как у кузнеца. И похоже, этот мужчина или парень намерен задержаться здесь на некоторое время, потому что правую руку он запустил в зеленую урну.

Не замедляя шага, он взглянул на часы. Две минуты назад он выстрелил, через одиннадцать минут отойдет поезд. А оружие еще при нем. Он миновал урну, направился к ресторану.

Встречный прохожий посмотрел на него. Но он не отвернулся, когда они поравнялись.

Подошел к ресторану, открыл дверь.

В гардеробе какая-то мамаша возилась с молнией на куртке своего чада. На него они не обратили внимания. Верблюжье пальто висело на прежнем месте. Под ним стоял чемодан. Забрав то и другое, он прошел в мужской туалет, заперся в одной из двух кабинок, снял штормовку, шапку сунул в карман, надел пальто. Хотя окон здесь не было, он слышал вой сирен на улице. Огляделся. Надо избавиться от пистолета. Выбирать особо не из чего. Он влез на сиденье унитаза, дотянулся до белого вентиляционного люка, попробовал засунуть туда пистолет, но внутри оказалась решетка.

Он слез на пол. Дышал тяжело, взмок под рубашкой. До поезда восемь минут. Можно, конечно, уехать на следующем, это не проблема. Проблема в другом: девять минут прошло, а он не избавился от пистолета, хотя она говорила, что промедление свыше четырех минут всегда создает неприемлемый риск.

Разумеется, можно просто оставить пистолет на полу, но один из принципов, какими они руководствовались в работе, гласил, что оружие должны обнаружить не раньше, чем он сам окажется в безопасности.

Он вышел из кабинки, прошел к умывальнику. Вымыл руки, обшаривая взглядом помещение. *Уротос!* Взгляд остановился над раковиной, на контейнере с мылом.

Юн и Теа, обнявшись, вышли из ресторана на Торргата.

Теа вскрикнула от неожиданности и засмеялась, поскользнувшись на предательском свежем снегу пешеходной улицы. Она потянула за собой и Юна, но в последнюю секунду он сумел удержать равновесие и спас ее от падения. Смех Теа колокольчиком звенел в его ушах.

– Ты сказала «да»! – крикнул он в небо, чувствуя, как снежинки тают на лице. – Ты сказала «да»!

В темноте завывла сирена. Еще одна и еще. Звук доносился со стороны Карл-Юханс-гате.

– Пошли посмотрим, что там такое? – спросил Юн и взял ее за руку.

– Нет, Юн. – Теа нахмурилась.

– Да ладно тебе, пойдем!

Теа уперлась ногами в тротуар, но гладкие подметки упорно скользили.

– Нет, Юн.

Он засмеялся и потянул ее за собой, точно санки.

– Я сказала «нет»!

Тон ее голоса заставил Юна остановиться. Он с удивлением посмотрел на девушку.

Она вздохнула:

– Не хочу именно сейчас смотреть на какой-нибудь пожар. Хочу домой. Хочу лечь с тобой.

Юн долго смотрел на нее.

– Я счастлив, Теа. Ты сделала меня ужасно счастливым.

Он не слышал, ответила Теа или нет. Она уткнулась лицом в его куртку.

Часть вторая
Спаситель

Снег, засыпавший Эгерторг, казался желтым от света полицейских прожекторов.

Харри и Халворсен стояли у входа в пивную «Три брата», смотрели на зевак и репортеров, теснившихся за ограждением. Харри вынул изо рта сигарету, закашлялся.

– Много репортеров, – сказал он.

– Быстро сбежались, – кивнул Халворсен. – От редакций-то рукой подать.

– Горячий материал для газет. Убийство в разгар пред рождественских хлопот на самой знаменитой улице Норвегии. Жертву видели все: парень стоял возле кружки Армии спасения. Во время выступления известной группы. Чего еще желать?

– Интервью со знаменитым следователем Харри Холе?

– Мы пока побудем тут, – сказал Харри. – Ты установил время убийства?

– Сразу после семи.

Харри посмотрел на часы:

– Почти час назад. Почему никто не позвонил мне раньше?

– Не знаю. Комиссар позвонил мне около половины восьмого. Я подумал, что к моему приходу ты будешь здесь...

– Значит, ты позвонил мне по собственной инициативе?

– Так ведь ты вроде инспектор.

– Вроде, – буркнул Харри, бросил сигарету в снег. Она провалилась в пушистую порошу и исчезла.

– Скоро все технические следы окажутся под полуметровым слоем снега, – сказал Халворсен. – Типичная история.

– Нет тут никаких технических следов, – сказал Харри.

К ним подошла Беата со снежинками в светлых волосах. Между пальцами у нее был пластиковый пакетик с пустой гильзой.

– Ошибочка! – победоносно улыбнулся Халворсен.

– Девять миллиметров. – Беата состроила гримаску. – Самая что ни на есть заурядная. И это все, что у нас есть.

– Забудь, что у вас есть и чего нет, – сказал Харри. – Каково твое первое впечатление? Не думай, говори, и все.

Беата улыбнулась. Харри в своей стихии. Сперва интуиция, потом факты. Потому что интуиция тоже факты, совокупная информация с места преступления, которую мозг не сразу способен облечь в слова.

– Много не скажу. Эгерторг – место, где огромное количество пешеходов, поэтому все жутко затоптали, хотя мы приехали уже через двадцать минут после убийства. Однако ясно, что работал профессионал. Медик сейчас осматривает труп, но, видимо, выстрел был всего один. Прямо в лоб. Профи. Вот такие ощущения.

– Работаем на основе ощущений, инспектор?

Все трое обернулись. Гуннар Хаген. В зеленой армейской куртке и черной шерстяной шапке. В уголках рта чуть заметная улыбка.

– Мы используем все средства, шеф, – сказал Харри. – А вас что сюда привело?

– Разве события происходят не здесь?

– В известном смысле.

– Я слышал, Бьярне Мёллер предпочитал кабинет. Но лично я считаю, руководитель должен находиться в поле. Сколько было выстрелов? Один или больше? Халворсен!

– По словам свидетелей, один, – поспешно доложил тот.

Хаген пошевелил пальцами в перчатках.

– Приметы?

– Мужчина. – Взгляд Халворсена метался между комиссаром и Харри. – Больше мы пока ничего не знаем. Народ смотрел на музыкантов, а случилось все чертовски быстро.

Хаген тяжело вздохнул.

– В такой массе народу кто-то ведь должен был видеть стрелка, верно?

– Возможно, – сказал Халворсен. – Но мы в точности не знаем, где в толпе стоял убийца.

– Понимаю. – Снова едва заметная усмешка.

– Он стоял прямо перед убитым, – сказал Харри. – Максимальное расстояние – два метра.

– Вот как? – Хаген и коллеги повернулись к Харри.

– Киллер знал, что, если хочешь убить человека из малокалиберного оружия, надо стрелять в голову, – продолжал Харри. – Поскольку же выстрел был всего один, он в результате не сомневался. А значит, стоял так близко, что видел дырку во лбу либо знал, что промахнуться невозможно. На одежде жертвы наверняка обнаружатся следы пороха, подтверждающие мой вывод. Максимум два метра.

– Полтора, – сказала Беата. – Большинство пистолетов выбрасывают гильзу вправо, причем не особенно далеко. Эту мы нашли втоптанной в снег в ста сорока шести сантиметрах от трупа. На отворотах шинели убитого нити шерсти обгорели.

Харри взглянул на Беату. Он ценил в первую очередь не ее природную способность запоминать лица, а ее ум, старательность и дурацкую веру, которая объединяла их обоих, – веру в важность их работы.

Хаген притопывал в снегу.

– Отлично, Лённ. Но кому, скажите на милость, понадобилось убивать офицера Армии спасения?

– Он не офицер, – сказал Халворсен. – Просто солдат. Офицеры у них в штате, солдаты – добровольцы или контрактники. – Он открыл блокнот. – Роберт Карлсен. Двадцать девять лет. Холост, детей нет.

– Зато есть враги, – заметил Хаген. – А вы что скажете, Лённ?

Отвечая, Беата смотрела не на Хагена, а на Харри:

– Может, стреляли вообще не в конкретное лицо.

– Да? – улыбнулся Хаген. – А в кого же?

– Возможно, в Армию спасения.

– Почему вы так решили?

Беата пожала плечами.

– Спорные взгляды, – вставил Халворсен. – Гомосексуалисты. Женщины-священники. Фанатик какой-нибудь...

– Эту версию я возьму на заметку, – сказал Хаген. – Покажите мне тело.

Беата и Халворсен вопросительно посмотрели на Харри. Тот кивнул Беате.

– Господи, – сказал Халворсен, когда Хаген с Беатой ушли. – Комиссар собрался возглавить дознание?

Харри задумчиво помял подбородок, глядя в сторону ограждения, где в зимней темноте то и дело взблескивали репортерские фотовспышки. Потом обронил:

– Профи.

– Что?

– Беата считает, что стрелял профи. Вот с этого и начнем. Что профессионал делает сразу после убийства?

– Смывается?

– Необязательно. Но избавляется от всего, что может связать его с убийством.

– От орудия убийства.

– Именно. Надо проверить все урны, контейнеры, баки и задние дворы в радиусе пяти кварталов от Эгерторг. Немедля. В случае чего мобилизуй народ из оперчасти уголовной полиции.

– Хорошо.

– И собери видеокассеты со всех магазинных камер наблюдения за время непосредственно до и после девятнадцати ноль-ноль.

– Попрошу Скарре взять это на себя.

– И еще. «Дагбладет» участвует в организации уличных концертов и делает о них репортажи. Проверь, снимал ли фотограф публику.

– Конечно. Как же я об этом не подумал?!

– Потом отошли снимки Беате, пускай посмотрит. Завтра в десять утра совещание группы. В красной зоне. Передашь?

– Yes.

– Где Ли и Ли?

– Опрашивают свидетелей в управлении. Несколько девчонок стояли рядом со стрелком.

– Хорошо. Попроси Улу составить список родственников и друзей убитого. Для начала посмотрим, нет ли там очевидных мотивов.

– Ты вроде только что говорил, что действовал профи.

– Попробуем прикинуть сразу несколько версий, Халворсен. И начать там, где светло. Семью и друзей разыскать, как правило, легче всего. А в восьми случаях из десяти убийства совершаются...

– ...знакомыми жертвы, – вздохнул Халворсен.

Кто-то окликнул Харри, и разговор оборвался. Он оглянулся и увидел отряд журналистов, спешащих к ним сквозь метель.

– Шоу набирает обороты, – заметил Харри. – Переадресуй их к Хагену. Я буду в управлении.

Пройдя регистрацию и сдав чемодан в багаж, он направился к контролю безопасности. В приподнятом настроении. Последний заказ выполнен. На радостях решил проделать тест с билетом. Женщина-контролер покачала головой, когда он достал из внутреннего кармана конверт и хотел предъявить билет.

– Мобильный телефон? – спросила она по-норвежски.

– No. – Он положил конверт с билетом между рентгеновским боксом и аркой

металлоискателя, стал снимать пальто и тут заметил, что косынка по-прежнему на шее, развязал ее, сунул в карман, опустил пальто в подставленный контейнер и прошел под аркой, чувствуя на себе бдительные взгляды двух охранников. Вместе с женщиной, которая неотрывно смотрела на экран, где просвечивалось его пальто, и охранником у другого конца транспортера он насчитал пять сотрудников, которые следили только за тем, чтобы он не пронес на борт ничего, что можно использовать как оружие. По ту сторону арки он надел пальто, вернулся, забрал со стола билет. Никто его не остановил, и он прошел мимо охраны. Значит, вот как легко украдкой пронести в конверте с билетом лезвие ножа. Первое, что бросилось ему в глаза, было панорамное окно прямо напротив. Ничего не видно. Снег, словно белая штора, закрыл стекло.

Мартина сидела, наклоняясь к лобовому стеклу, с которого дворники методично сметали снег.

– Министр настроен позитивно, – с удовлетворением сказал Давид Экхофф. – Весьма позитивно.

– Это ты понимал с самого начала, – сказала Мартина. – Такие люди не приходят на ужин и не приглашают прессу, если намерены ответить отказом. Им ведь надо победить на выборах.

– Да, – вздохнул Экхофф. – Победить на выборах. – Он посмотрел в окно. – Симпатичный парнишка этот Рикард, верно?

– Ты сам себе противоречишь, папа.

– Его нужно слегка направить, тогда он станет для нас превосходным сотрудником.

Мартина подрулила к гаражу под штаб-квартирой, нажала на дистанционный пульт – стальная дверь поползла вверх. Машина заехала внутрь, шипованная резина зашуршала по каменному полу пустого помещения.

Под одной из потолочных ламп возле синего командирского «вольво» стоял Рикард в комбинезоне и перчатках. Но Мартина смотрела не на него, а на высокого блондина рядом с Рикардом, она сразу его узнала.

Девушка припарковалась подле «вольво», но осталась в машине, принялась что-то искать в сумке, меж тем как отец вышел, оставив дверцу открытой, и она услышала голос полицейского:

– Экхофф?

Между голыми стенами гулко прокатилось эхо.

– Он самый. Чем могу помочь, молодой человек?

Дочь хорошо знала этот отцовский тон. Доброжелательный, но властный.

– Харри Холе, инспектор Ословского полицейского управления. Речь идет о вашем сотруднике. Роберте...

Мартина, выходя из машины, чувствовала на себе взгляд полицейского.

– ...Карлсене, – продолжал Холе, снова повернувшись к командиру.

– О брате, – сказал Давид Экхофф.

– Простите?

– Мы предпочитаем относиться к своим коллегам как к членам семьи.

– Понимаю. В таком случае должен, к сожалению, уведомить вас о смерти в семье, Экхофф.

Мартина почувствовала, как внутри все сжалось. Полицейский помолчал, словно давая

им время осознать известие, потом продолжил:

– Роберт Карлсен застрелен сегодня в семь вечера на Эгерторг.

– Боже милостивый! – вырвалось у командира. – То есть как?

– Пока мы знаем только, что неизвестное лицо из толпы застрелило его и скрылось.

Отец Мартины недоуменно покачал головой:

– Но... вы говорите, в семь? Почему... почему мне не сообщили раньше?

– Потому что в подобных случаях мы в первую очередь информируем ближайших родственников. Правда, нам, увы, пока не удалось с ними связаться.

Полицейский отвечал деловитым, терпеливым тоном, и Мартина поняла: он привык, что на сообщения о смерти люди реагируют нелепыми вопросами.

– Да-да, понимаю, – сказал Экхофф, надул щеки и выпустил воздух через рот. – Родители Роберта живут сейчас не в Норвегии. Но вы могли связаться с его братом, Юном.

– Его нет дома, а мобильник отключен. Мне сказали, что, возможно, он задержался здесь, в штаб-квартире. Но встретил я только вот этого молодого человека. – Он кивком показал на Рикарда, который стоял точно печальная горилла – остекленелый взгляд, руки в больших рабочих перчатках безвольно опущены, на сизой верхней губе капли пота.

– Как думаете, где мне найти брата? – спросил полицейский.

Мартина с отцом переглянулись, покачали головой.

– Есть соображения насчет того, кто мог желать смерти Роберту Карлсену?

Оба опять покачали головой.

– Ладно. В общем, теперь вы все знаете. Мне пора, но завтра придется задать вам несколько вопросов.

– Разумеется, инспектор, – сказал командир и выпрямился. – Но пока вы здесь, не откажите в любезности, сообщите подробности случившегося.

– Посмотрите ТВ-текст. Я спешу.

Мартина заметила, как отец потемнел лицом.

Повернувшись к полицейскому, встретила с ним взглядом.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Время – важнейший фактор на этом этапе дознания.

– Попробуйте... поискать его у моей сестры, Теа Нильсен.

Все трое обернулись к Рикарду. Он сглотнул.

– Она живет на Гётеборггата, в доме Армии.

Полицейский кивнул. Собрался уходить, но еще раз обратился к Экхоффу:

– Почему родители не живут в Норвегии?

– Это долгая история. Они отпали.

– Отпали?

– Утратили веру. Людям, выросшим в Армии, обычно приходится нелегко, если они избирают иной путь.

Мартина пристально смотрела на отца. Но даже она, его дочь, не заметила ни следа фальши на его каменном лице. Полицейский пошел прочь, а у нее на глаза набежали первые слезы. Когда шаги инспектора затихли, Рикард, кашлянув, сказал:

– Летнюю резину я положил в багажник.

Он давным-давно все понял, когда информационная служба ословского аэропорта наконец сообщила:

– *Due to weather conditions, the airport has been temporarily closed*^[12].

Ничего страшного, сказал он себе. Как говорил еще час назад, после первого сообщения о том, что ввиду снегопада рейс задерживается.

Они ждали, а снег между тем мохнатым ковром ложился на самолеты. Невольно он поискал глазами людей в форме. На летном поле они должны быть в форме, почему-то казалось ему. А когда женщина в синем за стойкой у выхода 42 поднесла к губам микрофон, он все понял по выражению ее лица. Она сожалела: посадка состоится завтра утром в 10.40. Пассажиры приглушенно, но внятно застонали. Она прощепетала, что авиакомпания оплачивает проезд поездом обратно в Осло и номера в гостинице «САС» для транзитников и пассажиров с обратным билетом.

Ничего страшного, повторял он, когда поезд мчался сквозь темный ночной ландшафт. До Осло поезд остановился всего один раз, у кучки домов среди белизны. Под скамейкой на платформе сидела дрожащая собака, в свете фонаря виднелись летящие хлопья снега. Собака похожа на Тинто, бездомного игривого пса, который бродил по округе в Вуковаре, когда он был маленьким. Джорджи и другие ребята постарше надели на него кожаный ошейник с надписью: «Кличка – Тинто, владелец – все». Никто не обижал Тинто. Но порой этого было мало.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Это ваш звонок-будильник... (англ.)

Да, мама (*сербскохорв.*).

Все равно (*англ.*).

Гонка биркебейнеров – ежегодная лыжная гонка между городами Рена и Лиллехаммер, дистанция 58 км, участники бегут с грузом 3,5 кг; устраивается в память о двух биркебейнерах (воинах гражданской войны в Норвегии в конце XII в.), которые, по преданию, в 1206 г. перенесли по этому маршруту двухгодовалого принца Хокона.

Одни сутки, правильно, сэр? (*англ.*)

Платить будете карточкой или наличными, сэр? (англ.)

Нет необходимости. Я заплачу прямо сейчас (*англ.*).

Еще что-нибудь, сэр? *(англ.)*

Недостающее звено (*англ.*).

Ваше имя? (*англ.*).

Здесь: нашел (англ).

В связи с погодными условиями аэропорт временно закрыт (*англ.*).